

12+

Роман Коротенко

ЯВНОЕ
СТАНОВИТСЯ
ТАЙНЫМ

МИРОСТОЛКНОВЕНИЕ

Роман Коротенко

Явное становится тайным

«Издательские решения»

Коротенко Р.

Явное становится тайным / Р. Коротенко — «Издательские решения»,

Иерусалим не был целью крестовых походов, Великая революция 1789 года не свергала феодализм, самая первая британская фабрика была оборудована не британскими станками, а страусы никогда не обитали в Сибири — эти и многие другие очевидные факты сейчас почему-то считаются совершенно невероятными. Первая книга из серии «Миростолкновение» пытается найти ответ на вопрос: кому и зачем было необходимо, чтобы подобное явное становилось тайным?

Содержание

Пролог	6
Глава нулевая. Базисная	10
Глава первая. Этапы большого пути	24
Глава вторая. С крестом или...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Явное становится тайным

Роман Коротенко

#

#

#

#

#

Посвящается моей матери

Валентине Коротенко

Редактор Инна Харитонова

Корректор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Роман Коротенко, 2026

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5249-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

#

Восемнадцатого брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) генерал Бонапарт привёл на заседание парламента Франции гренадёров, которые без применения насилия, а всего лишь с помощью доброго слова и барабанного боя заставили несколько сотен народных избранников разбежаться в разные стороны. На следующий день для замены обеих палат парламента — Совета пятисот и Совета старейших — Бонапарт формирует уполномоченные комиссии.

Шестого фримера VIII года Республики (27 ноября 1799 года) вновь назначенной комиссией Совета старейших учреждается Фонд Погашения (Caisse d'Amortissement), предназначенный для обслуживания облигаций государственного долга. Согласно закону, власти французских провинций обязывались передавать в этот фонд напрямую, минуя казну, 5% всех металлических денег, собираемых на своих территориях в качестве земельного налога¹.

Ещё через месяц во Франции проводится плебисцит и с результатом голосования 99,95% принимается новая конституция, которая провозглашает Бонапарта премьер-консулом и наделяет диктаторскими полномочиями.

Двадцать восьмого нивоза VIII года Республики (18 января 1800 года) премьер-консул Бонапарт подписывает постановление, которое начинается следующими словами²: «Все средства, поступающие в Фонд Погашения, будут им передаваться в Банк Франции».

Двадцать четвёртого плювиоза VIII года Республики (13 февраля 1800 года) утверждается устав Банка Франции. «*В первый и единственный раз*» состав его совета управляющих назначался непосредственно уставом, а в дальнейшем члены совета должны были избираться по особой процедуре с использованием голосов акционеров банка. Одним из таких акционеров являлся собственно Наполеон Бонапарт.

И наконец, законом от 24 жерминаля XI года Республики (14 апреля 1803 года) частному акционерному Банку Франции передаётся исключительная привилегия выпускать деньги, изготовленные из бумаги³.

Таким образом оказалась достигнута главная и единственная цель Великой французской революции 1789 года: произошла приватизация производства денег. Именно ради этого снесли Бастилию, казнили короля, десятки тысяч людей были отправлены на гильотину и сотни тысяч людей погибли во время гражданской войны в Вандее.

Однако эти жертвы были не напрасны: благодаря им некая группа лиц получила *на правах частной собственности* всю полноту власти во Франции.

Четырнадцатого апреля 1803 года завершилось поистине многовековое противостояние. И с этого дня во Франции все судьбоносные решения начали приниматься новыми хозяевами.

Сейчас главный национальный праздник французы празднуют 14 июля⁴, хотя, по сути, это должно быть 14 апреля — ведь именно с 14 апреля 1803 года и до сих пор власть во Франции принадлежит одним и тем же людям, вернее — одним и тем же фамилиям. Эти фами-

¹ (No. 3442) Loi relative aux obligations et cantionnemens a fournir par les receveurs generaux de departement // Bulletin des lois de la Republique No. 331.

² (No. 6) Arrete qui prescrit la destination des fonds que recevra la caisse d'amortissement // Bulletin des lois de la Republique francaise. 3 serie. Tome premier.

³ (No. 2698) Loi relative a la Banque de France // Bulletin des lois de la Republique francaise. 3 serie. Tome huitieme.

⁴ Во всём мире этот праздник называют *Днём взятия Бастилии*. Однако для Франции это просто *Национальный праздник* (La Fête Nationale), и формально с Бастилией он никак не связан.

лии неизвестны широкой публике, так как находятся под защитой строжайшей коммерческой тайны⁵.

Однако после завершения этого эпохального противостояния началось новое противостояние, не менее эпохальное: приватизировавшая Францию частная корпорация нацелилась на Россию.

Автор книги попытается рассказать, почему и как всё это случилось.

Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. (Шарль Монне, Исидор-Станислас Эльман, 1796 г.)
Обратим внимание на стройные ряды стихийных народных масс

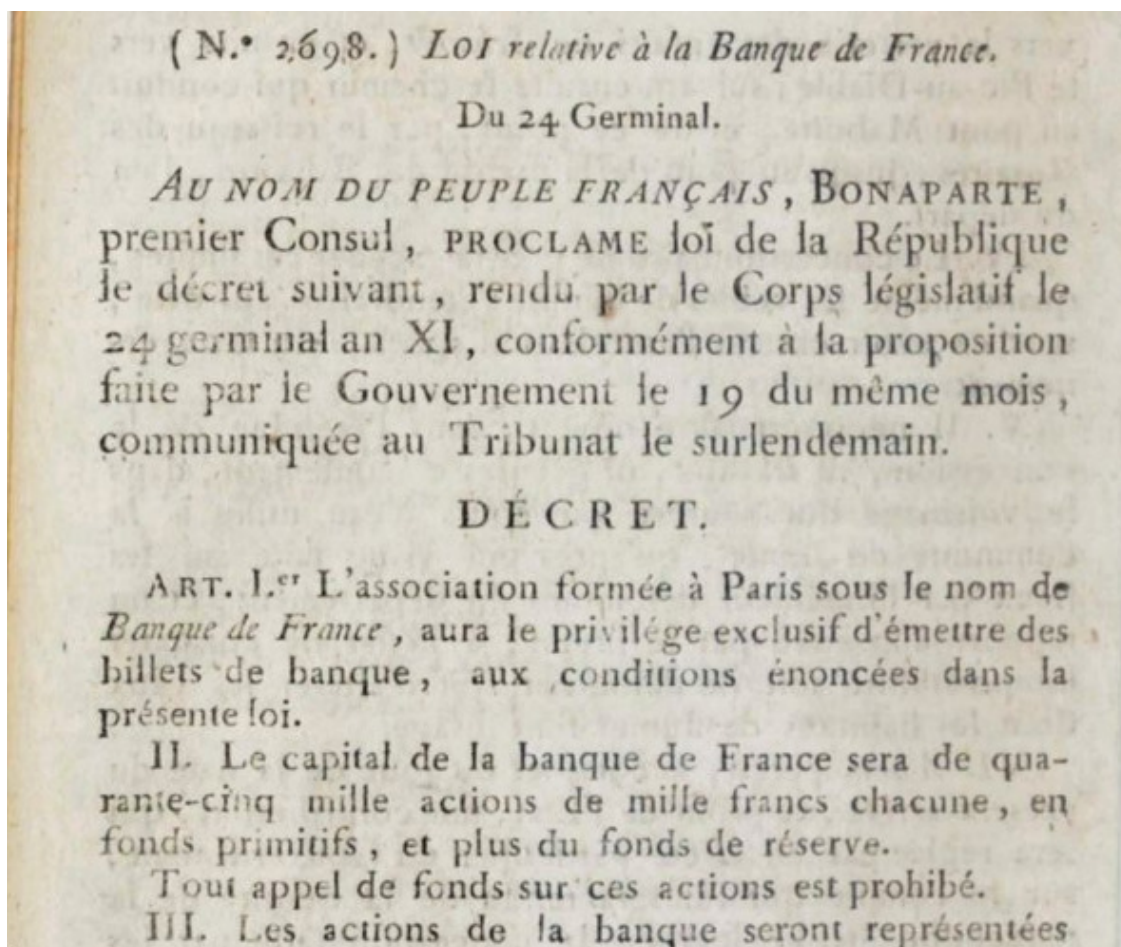

⁵ Впрочем, иногда складывается впечатление, что фамилии публичных представителей собственников Франции также неизменны с 1803 года. Например, в составе назначенных уставом Банка Франции первых 15 управляющих был некий Лагард — по любопытному совпадению директором Международного валютного фонда до 2019 года и председателем Европейского центрального банка с 2019 года является тоже Лагард.

Генерал Бонапарт на Совете пятисот в Сен-Клу 10 ноября 1799 г. (Шарль Монне, Исидор-Станислас Эльман, 1800 г.)

Генерал Бонапарт на Совете пятисот в Сен-Клу 10 ноября 1799 г. (Франсуа Бушо, 1840 г.)

«Демократия» во всей красе: народные избранники законодательно передают привилегию изготавливать французские деньги частному банку, который на тот момент ещё даже не существовал

Глава нулевая. Базисная

Рыбы будут последними, кто признает существование воды.
Джером Брунер.
Культура образования (1996)

Здесь самое место задаться вопросом: каким образом власть вообще может оказаться собственностью?

И кстати, что такое власть?

Есть множество определений понятия власти. Одно из самых кратких гласит: власть — это сочетание намерений и возможностей.

Соответственно, идеальная власть — это сочетание безграничных намерений и безграничных возможностей. Однако, как известно, в нашем несовершенном мире идеалы редко достижимы, поэтому для идеальной власти существуют границы. И если намерения могут быть ограничены разве что человеческим воображением, то возможности однозначно заканчиваются там, где заканчиваются доступные материальные ресурсы. Это значит, что в нашем несовершенном мире идеальной властью обладает тот, кто имеет развитое воображение и владеет всеми доступными материальными ресурсами. Разумеется, такое определение действует применительно и к отдельным территориям.

Материальные ресурсы становятся доступными благодаря хозяйственной, то есть экономической, деятельности. Это значит, что между властью и экономикой следует поставить знак равенства: чтобы иметь всю полноту власти на какой-либо территории, необходимо владеть всей экономикой этой территории⁶.

А что значит владеть экономикой? На самом деле это не такой уж и простой вопрос. Человечеству в настоящее время известно два вида экономики — натуральная и рыночная, или, как их называли раньше, естественная и денежная⁷. Различие между этими двумя видами экономики заключается в том, что в естественной субъект обеспечивает себя всем необходимым самостоятельно, а в денежной — путём кооперации с другими субъектами. То есть из всех ресурсов, которые необходимы для существования, субъект естественной экономики всё производит самостоятельно, а субъект денежной экономики производит только какой-либо один ресурс. Этот произведённый ресурс обменивается на деньги, после чего деньги обмениваются на другие ресурсы, которые субъекту денежной экономики необходимы, но им не производятся. Таким образом, субъекты денежной экономики всё, что им необходимо, производят раздельно, а произведённый продукт перераспределяется между ними посредством денег.

При естественном ведении хозяйства все субъекты независимы друг от друга и поэтому каждый является владельцем собственной экономики. Для того чтобы получить власть на определённой территории, населённой субъектами естественной экономики, необходимо каким-либо образом непосредственно подчинить себе этих субъектов. Теоретически это достижимо, но практически сиюминутно, потому что успешное подчинение самодостаточных хозяев полностью зависит от личных качеств их покорителя, и такая власть вряд ли просуществует дольше одного поколения, то есть плюс-минус 30 лет.

⁶ Считается, что иногда достаточно всего лишь иметь власть, чтобы получить владение экономикой. Однако подобный кругооборот власти и экономики на самом деле является частным случаем и относится скорее к области намерений. Другими словами, власть возможна без увеличения личного экономического актива, но власть невозможна без доступных материальных ресурсов, предоставляемых экономикой.

⁷ Старые термины гораздо более приближены к передаче функционального различия между этими двумя видами экономики, поэтому далее будут использованы старые термины, где это возможно.

В денежной экономике все субъекты являются партнёрами, и все они зависят от рынка. Поэтому чтобы владеть какой-либо денежной экономикой, нет необходимости владеть всеми субъектами этой экономики⁸ — достаточно владеть одним только рынком.

И здесь последовательно возникает вопрос: что значит владеть рынком? Чтобы получить ответ, для начала необходимо определиться с понятиями.

Как известно, рынок — это территория, на которой собственники товаров имеют возможность обменивать свой товар на товар другого собственника. При этом для каждого рыночного обмена, или сделки, характерны, во-первых, *добровольность*, а во-вторых, *неравноценность*. И если добровольность очевидно подразумевает, что каждая сделка происходит исключительно при консенсусе (то есть обоюдном согласии) её участников, то неравноценность рыночного обмена не настолько прозрачна.

Очевидно, что в каждой рыночной сделке участвуют две стороны: покупатель, который имеет спрос на товар, — и продавец, который имеет предложение требуемого товара. Спрос покупателя возникает из объективной необходимости в товаре; при этом такая необходимость всегда имеет двоякий характер «кнута и пряника»: с одной стороны, обладание товаром обеспечивает удовлетворить потребность покупателя, а с другой стороны, необладание товаром грозит покупателю грядущей бедой. Например, приобретение тёплой обуви обеспечивает защиту ног от холода, а неприобретение при наступлении холодного сезона гарантирует дискомфорт и проблемы со здоровьем.

Таким образом, один и тот же товар одновременно *привлекает и пугает* покупателя: привлекает пользой от его приобретения и пугает вредом от его неприобретения. Поэтому каждый товар оценивается покупателем с точки зрения собственных желаний и страхов. А желание и страх, как известно, не имеют количественного исчисления.

Продавец же, наоборот, оценивает каждый товар количеством ресурсов, израсходованных на его приобретение (или создание), и количеством ожидаемой выгоды от его продажи.

Таким образом, в каждой рыночной сделке участвуют: нерациональный покупатель и рациональный продавец. При этом нерациональный покупатель в силу своей нерациональности всегда согласен заплатить за товар заведомо больше той цены, которую уже заплатил за этот же товар рациональный продавец; в этом и заключается суть неравноценности рыночного обмена⁹.

Однако кроме добровольной неравноценности обмена можно назвать ещё одну характерную особенность рынка. Причём это главная и единственная особенность рынка, отличающая его от всего остального в нашем мире: в рыночном обмене должен присутствовать эксклюзивный товар, который необязательно имеет материальную ценность, но который обязательно служит заменой любого другого товара, — то есть на рынке должны обмениваться деньги.

В человеческом обществе деньги, с незапамятных времён находящиеся в массовом и повседневном обиходе, до сих пор считаются предметом, имеющим сакральный смысл — на них даже молятся. В естественной природе денег не существует, однако при этом никому доподлинно неизвестно, когда именно, каким образом и для чего, собственно, человек создал первые деньги и как они выглядели изначально.

⁸ Владеть всеми субъектами рыночной экономики невозможно: в таком случае объединённое суперхозяйство автоматически становится самодостаточным, то есть естественным.

⁹ В каждом рыночном обмене продавец всегда более рационален, чем покупатель. Закон неравноценности рыночного обмена можно отобразить в виде формулы $1 = 1 +$, что означает «в общем случае единица товара обменивается на равноценную единицу товара плюс доплата».

Все общепринятые научные теории относительно происхождения и функционирования денег построены на аксиомах, то есть на утверждениях без доказательств. Благодаря непробиваемому покрову первородной таинственности деньги превратились в самый загадочный феномен рынка.

Однако сущность денег и их роль в рыночном обмене на самом деле просты для понимания и всё можно легко объяснить, используя абстракцию и аналогии.

Например, если абстрагироваться от рынка как определённой территории и представить его в виде живого организма, то деньги — это кровь рынка.

В живом организме внутренние органы производят различные химические вещества, которыми обмениваются друг с другом для производства других веществ, которые в конце концов используются организмом для получения энергии и прочих полезностей. Кровь активно участвует в обмене веществ, но никогда не вступает с ними в химические реакции — она только переносит продукты этих реакций от органа к органу. Так и деньги в рыночном обмене, сами по себе не являясь материальной ценностью, переносят материальные ценности от одного участника рынка к другому.

Можно представить рынок в виде карточной игры. В игровой колоде каждая карта имеет свои масть и достоинство, то есть представляет собой определённую видовую и иерархическую ценность, а в процессе игры происходит обмен карт с учётом их масти и достоинства. Однако в колоде также имеется *джокер* — карта, у которой нет масти и достоинства, но которая при обмене может заменить собой любую другую карту по желанию игрока.

Деньги — это рыночный джокер. Не являясь материальной ценностью, деньги при обмене могут заменить собой любую другую материальную ценность по желанию участника рынка.

Таким образом, можно сделать два вывода: 1) деньги имеют существенное и неотъемлемое значение для рынка; 2) деньги вне рынка не имеют никакого значения.

Добавим, что значение денег для рынка происходит из их эксклюзивности¹⁰, так как всё производство денег сосредоточено в руках только одного участника рынка.

И для понимания сущности рынка остаётся только разобраться, каким образом на рынке возник этот эксклюзивный товар.

Изначально все экономики были естественными: каждая семья, племя, община были самодостаточны в смысле ресурсов. Иначе в те давние времена было просто не выжить.

При этом, разумеется, в естественных хозяйствах периодически образовывались излишки производимых ими ресурсов и естественные хозяйства обменивались этими ресурсами с другими естественными хозяйствами. Причём обменивались именно излишки, то есть прекращение обмена ничем особенным естественному хозяйству и не грозило.

Кроме того, естественные хозяйства располагались на различных территориях, зачастую имеющих свои особенные природные условия. По этой причине для различных естественных хозяйств некоторые ресурсы имели различную доступность.

Например, просторы и обильный травяной покров степной зоны позволяли проживающему там населению иметь значительное количество одомашненного скота, что способствовало для степных естественных экономик доступности мяса, шерсти, молока и тягловой силы. Жители лесных районов не имели возможности выпасать тучные стада, зато они имели доступ к древесине, отсутствующей в степи, — отличному строительному материалу и топливу.

¹⁰ Эксклюзивный (от *англ.* exclusive) — исключительный, единственный.

Таким образом, различные естественные хозяйства имели различные естественные излишки. Благодаря этому возникала своеобразная естественная специализация хозяйств, что мотивировало их обменивать легкодоступные для них ресурсы на труднодоступные. Подобный обмен ещё не был рыночным: во-первых, обменивались не товары¹¹, а образовавшиеся излишки; и, во-вторых, не обменивались деньги.

Деньги не присутствовали в обмене по той причине, что ни одно естественное хозяйство их не производило (а потому и не могло иметь их излишков): не бывает организма, состоящего только из крови, и не бывает колоды карт, состоящей только из джокеров.

Однако прогресс не стоит на месте, и на определённом этапе развития человеческого общества зародились процессы политической консолидации: семьи, племена и общины начали объединяться в более крупные сообщества, позднее названные государствами. Главной пользой от государств было повышение уровня безопасности: чем крупнее группа людей, тем лучше она сможет защитить своих членов.

При этом возникала новая проблема: государству как отдельному субъекту были необходимы собственные ресурсы. Соответственно, появилась государственная экономика.

Первоначально ресурсы для государства поступали непосредственно от населения: семьи, племена и общины передавали государству часть производимых ими продуктов либо добровольно (например, *десятину*), либо под принуждением (например, *ясак*).

Однако по мере своего развития государство стало использовать в качестве источника ресурсов естественный обмен, который так же, как и рыночный, основан на неравноценности: продавец при согласии покупателя получает дополнительную ценность к ценности своего товара.

При этом, будучи самым крупным участником обмена, государство всё ещё не имело экономической власти над подданными, так как естественные хозяйства от результата этого обмена практически не зависели — ведь ими обменивались всего лишь излишки собственных ресурсов, а (в худшем случае) потеря излишков их благосостоянию особой угрозы, очевидно, не представляла.

Таким образом, государство в качестве естественно-хозяйственного субъекта оставалось всего лишь первым среди равных.

Подобный статус предоставлял определённые выгоды¹², однако не предоставлял максимально возможной выгоды: даже монополисту естественного обмена, для того чтобы продать какой-либо товар, необходимо было сначала купить какой-либо товар. Покупатель, как известно, всегда переплачивает — или же, как в случае с монополистом, недополучает.

Но вот однажды некое государство решило предложить к рыночному обмену тот единственный излишек, который у него имелся, — *власть*.

Верховной власти разумные люди к обмену никогда не предложат. Однако, например, в случае увеличения территории государства возникает необходимость администрировать новые регионы или же технологический прогресс приводит к появлению новой отрасли экономики, которую государству необходимо держать под контролем, — как в случае с коневодством, например. Таким образом, рано или поздно обязательно возникают ситуации, когда власти у государства оказывается больше, чем оно способно контролировать в текущий момент.

Образовавшийся излишек власти государству можно и нужно обменивать на что-нибудь более необходимое, поэтому государство и предложило однажды всем желающим в обмен на

¹¹ Современная наука называет товаром любой ресурс, произведённый целенаправленно для рыночного обмена.

¹² К примеру, в старину было распространено правило, согласно которому иноземные купцы по прибытии на какую-либо территорию должны были предлагать свой товар в первую очередь местному государю.

необходимые для государства¹³ ресурсы делегировать (передавать) определённый объём своих властных полномочий.

Подтверждением передачи полномочий служили особые знаки власти, наличие которых у субъекта и определяло его место в структуре государственного управления. В европейской истории такие знаки стали известны под названием *монета*¹⁴.

Именно таким образом в рыночном обороте появился эксклюзивный товар — деньги.

Как и любой другой товар, этот товар приносил владельцу несомненную пользу — гарантировал определённый статус во властной иерархии. К власти стремились практически все, поэтому к обмену на деньги, соответственно, предлагалось практически всё.

Однако со временем первоначальная польза от денег (политическая) по ряду причин утратила очевидность, уступив место другой их несомненной пользе (экономической) — гарантированно обмениваться на любой другой товар.

В конце концов это стало основным смыслом денег: быть наиболее востребованным (ликвидным) товаром на рынке.

Ради денег естественные хозяйства начали превращать естественную специализацию в рыночную: их усилия сосредотачивались на производстве тех ресурсов, которые хозяйству доставались легче всего и вместе с тем продажи которых на рынке приносили больше денег.

Например, если до появления денег каждый хозяин собственными руками стриг овец, сам ткал из полученной шерсти ткань, сам окрашивал ткань собственноручно изготовленным красителем, а после из этой ткани шил себе одежду, — то теперь одни хозяйства занимались только производством шерсти, другие — только ткачеством, третьи — изготовлением красителей, четвёртые — окраской ткани, пятые — пошивом одежды. Подобная специализация делала хозяйства заметно эффективнее: ведь благодаря разделению труда значительно возросло общее количество произведённых ресурсов, что отражалось и на благосостоянии каждого производителя (вспомним булавки Адама Смита¹⁵).

Впрочем, всё имеет свою цену: в угоду ресурсному изобилию денежной экономики жертвовался ресурсный суверенитет естественных хозяйств.

Если любое естественное хозяйство могло не знать о существовании других естественных хозяйств и прекрасно себя чувствовать, то для любого денежного хозяйства прекращение рыночного товарооборота с другими денежными хозяйствами становилось катастрофой.

¹³ Существует теория, что именно возникновение феномена государства послужило причиной бурного развития выращивания злаковых культур в сельском хозяйстве. Дело в том, что дикорастущие предки злаковых растений в сравнении с их современными сортами имели значительно меньшую урожайность и питательную ценность, поэтому переход от собирательства и отгонного (кочевого) животноводства к оседлому земледелию не являлся экономически целесообразным. Однако именно зерновые (ячмень, рожь, пшеница) позволяют эффективно обеспечивать войска в длительных походах как провиантом, так и фуражом (то есть кормить и людей, и лошадей). Таким образом, необходимость для государства содержать крупные мобильные армии могла вызвать стабильный рыночный спрос на злаковые, что стимулировало выращивание их естественными хозяйствами. Одно из названий древнеримских профессиональных солдат, сражавшихся на арене перед зрителями, — *гордеариус* (*hordearius*), — в переводе означает «ячменники», то есть «поедатели ячменя».

¹⁴ Обратим внимание, что все древнейшие и большинство старинных монет не имеют номинала, то есть обладают значением в единственном роде, сами по себе. По аналогии не имеют номинала наградные знаки: не бывает, например, знаков «5 орденов» или «100 медалей».

¹⁵ Адам Смит в своём «Исследовании о природе и причинах богатства народов» приводит следующий пример: для изготовления обычной булавки требуется совершить 18 операций, и если один работник будет выполнять все операции самостоятельно и последовательно, то в течение рабочей смены он сумеет изготовить менее 20 булавок. Если же эти операции разделить между 10 работниками, то результатом их совместной рабочей смены будет уже не 20 булавок, а 48 тысяч булавок. Таким образом, разделение труда при производстве булавок в условиях обычной мастерской (мануфактуры) позволяет достигнуть роста производительности труда свыше 24 000%.

Если, например, к рыночному портному перестанут обращаться заказчики и покупать его товар, то у портного перестанут появляться деньги и его семье будет грозить голодная смерть. Поэтому для всех денежных хозяйств рынок превратился в абсолютного диктатора.

Теперь никому не было позволено иметь собственное мнение и заниматься тем, что он сам пожелает. Единственным правом для всех и каждого оставалось следовать либо не следовать потребностям рынка, то есть *конъюнктуре* (со всеми однозначно вытекающими последствиями).

Тем не менее естественная экономика постепенно уступила место денежной. Причём именно государства приложили немало усилий, чтобы этот сдвиг произошёл как можно скорее. Ведь в денежной экономике изначально именно государства (то есть производители денег) являлись конечными бенефициарами, то есть получателями выгоды.

Ведь очевидно же, что чем больше хозяйств будет вовлечено в рыночную кооперацию, тем большим будет их совокупный продукт и тем больше ресурсов государство получит в своё распоряжение. Однако с появлением рынка кардинально менялся механизм получения государством ресурсов от населения.

Если при естественной экономике хозяйства передавали государству только некоторую часть своей продукции (и не всегда с желанием), то при денежной экономике население передавало государству весь объём произведённого, причём исключительно добровольно.

Находясь в полной зависимости от рынка, каждое денежное хозяйство стремилось произвести как можно больше товаров, чтобы при обмене получить за них как можно больше денег. После этого заработанные деньги вновь обменивались на товары, которые были необходимы денежному хозяйству для продолжения жизни, но им не производились.

Однако при рыночной специализации и при вызванном ею росте производительности труда каждое хозяйство теперь производило товара намного больше, чем было необходимо для его существования. Совокупное производство товаров всеми хозяйствами также намного превышало их совокупное потребление.

Таким образом, разница (дельта) между произведёнными и потреблёнными ресурсами денежной экономики оставалась в полном распоряжении производителя денег.

Если при естественно-хозяйственном укладе государство от населения получало лишь десятину, то есть 10% совокупного продукта, то в условиях денежного товарооборота и сопутствующего увеличения производительности труда государство распоряжалось уже всеми 90% (если не больше) совокупного продукта, так как населению для собственного потребления хватало и 10% (если не меньше) от всего им же произведённого.

Таким образом, чтобы получить в свою собственность практически *всю денежную экономику*, достаточно всего лишь производить деньги.

Итак, изначально производителями денег являлись государства, поэтому именно государства прежде всего были заинтересованы в том, чтобы оставалось как можно меньше естественных хозяйств и появлялось как можно больше хозяйств денежных.

И действительно, испокон веков именно государства прилагали огромные усилия для развития рыночных отношений на подчинённых территориях. Например, во Франции по инициативе правительства Кольбера¹⁶ был построен Лангедокский канал протяжённостью 240 километров, который соединил Средиземное море с Атлантикой. Следуя по этому каналу, корабли проходили 130 раз под мостом, 50 раз — по мосту (пересекали другие реки по акведукам) и один раз — через тоннель длиной 251 метр, пробитый в скале с помощью взрывчатки.

¹⁶ Жан-Батист Кольбер (1619—1683) — премьер-министр Франции с 1661 по 1683 год.

Очевидно, столь ресурсоёмкое даже по нынешним меркам гидротехническое сооружение не имело смысла в рамках естественной экономики, однако приносило огромную пользу экономике денежной, так как способствовало увеличению товарооборота¹⁷.

Обратим внимание, что Лангедокский канал был построен в 1667—1681 годах, то есть в эпоху якобы махрового феодализма (об этом поговорим чуть ниже) и засилья абсолютной монархии во Франции.

При этом гнёт французского абсолютизма зачастую оказывался направленным именно на развитие рыночной экономики Франции. Например, в 1626 году был издан королевский эдикт¹⁸, разрешающий любому желающему вести добычу железной руды на той земле, владелец которой сам руды не добывает, — то есть в угоду товарному насыщению жертвовалось священное право частной земельной (так называемой феодальной) собственности.

Во время правления упомянутого Кольбера кустарных работников загоняли в мануфактуры, запрещая работать на дому. Его же правительством были введены строгие стандарты промышленной продукции и предусмотрены жёсткие наказания за их нарушение:

«... к позорному столбу привязывался... преступник, который злоумышленно приготовил ткань лучшего рисунка и дешевле указанного»¹⁹.

Очевидно, что таким парадоксальным способом королевское правительство старалось поддержать неокрепших рыночных товаропроизводителей, испытывающих конкуренцию со стороны естественных хозяйств, изготавливающих более качественный продукт.

Однако для государств, усиленно развивавших рыночную экономику, на самом деле существовал враг намного более опасный, чем естественные хозяйства. Причём именно государства своего врага изначально взращивали и укрепляли.

Если в товарообмене участвуют продавцы и покупатели, отдалённые друг от друга на десятки, сотни и тысячи километров, то осуществить сделки между ними *без посредников* невозможно: кто-то должен каким-либо образом в одном месте забрать товар у продавца, а в другом месте передать товар покупателю.

В естественной экономике происходит обмен излишками, имеющими различную степень доступности для разных хозяйств, однако подобный обмен обычно совершается непосредственно между производителями этих излишков.

В денежной же экономике с развитием рынков и расширением их территориальных связей возникает устойчивый спрос на посреднические услуги, что вызывает соответствующее предложение: принимая участие в товарообороте, посредники получают вознаграждение за каждый обмен товара (транзакцию).

Такая специализация на оказании услуги рыночного посредника между производителями ресурсов и их потребителями стала называться *торговлей*.

Торговцы не были производителями материальных ресурсов: они всего лишь обеспечивали их перемещение от одного участника рынка к другому. Однако посредники фактически занимались производством денег: как хлебопашец, вкладывая зерно в почву, после сбора урожая получает несколько дополнительных зёрен, — так и торговец, вкладывая монету в чужой товар, получает несколько дополнительных монет после его перепродажи.

¹⁷ Лангедокский канал был проложен между портом Сет на побережье Средиземного моря и Тулузой в Центральной Франции. Между Тулузой и портом Бордо на Атлантическом побережье в то время существовала речная навигация. Кстати, порт Сет также был построен с нуля — специально для канала и вместе с ним.

¹⁸ Гольцев В. Государственное хозяйство во Франции XVII века. М., 1878. С. 26.

¹⁹ Там же. С. 32—33.

И если для хлебопашца источником его богатства являлись труд и необъяснимое чудо плодородия, то для торговца источником его дополнительных монет являлись труд — и стремление государства избавиться от своих денег. Подобное стремление выглядит странным, однако на самом деле достаточно просто объясняется.

Любая экономическая деятельность носит циклический характер. Между началом действия и получением конечного результата должно пройти определённое время. Зачастую задержка диктуется условиями внешней среды: например, один из наиболее известных экономических циклов совпадает со сменой погодных сезонов и длится от урожая до урожая.

По завершении каждого экономического цикла производители материальных ресурсов отправляют на рынок результаты своей деятельности, благодаря чему в продаже появляются новые товары. Производитель денег также выводит на рынок новую партию своего товара и в обмен на него приобретает товары других производителей. Таким образом, производители реальных товаров (и услуг) получают на руки вожделенные деньги, а производитель денег получает в своё распоряжение весь внутренний продукт денежной экономики.

При этом часть полученного продукта ему приходится посредством рынка вернуть производителям ресурсов, которые на тот момент из продавцов превратились в покупателей.

Впрочем, даже после удовлетворения потребительского спроса производителей ресурсов в распоряжении производителя денег остаётся значительная часть реальных товаров, оказавшихся невостребованными. И этот объём реальных товаров фактически *обратно пропорционален* объёму денег, вернувшемуся к производителю эксклюзивного товара по завершении экономического цикла.

То есть с точки зрения производителя денег ситуация очевидна: чем больше денег **уйдёт** от него на рынок на покупку ресурсов и чем меньше денег **вернётся** к нему обратно от продажи ресурсов, тем больше **реальных ресурсов** ему достанется²⁰. Именно поэтому государства и стремились избавиться от собственных денег, а торговцы благодаря этому собирали свой денежный урожай.

Однако стремление государства избавиться от денег, кроме получения ресурсного профита, имело и крайне неприятные побочные последствия: во-первых, уничтожался рынок, а во-вторых, власть уходила к торговцам.

Проблема заключается в самих деньгах. В отличие от большинства других товаров, денежный товар практически *не расходуется*: денежных знаков не едят, из них не шьют обуви или одежды, их не используют для изготовления мебели или строительства домов. Деньги, от которых избавилось государство во время одного экономического цикла, никуда не исчезали и оставались в свободном рыночном обороте к моменту наступления следующего цикла.

Следовательно, с каждым экономическим циклом количество денег в рыночном обороте не только увеличивалось, но и *кратно* увеличивалось: к стоимости товарных излишков, полученных государством в предыдущем цикле, прибавлялась стоимость аналогичных товарных излишков следующего цикла. На каждую единицу реального товара в каждом новом цикле приходилось денег больше, чем в предыдущем, что неизбежно приводило к возникновению и росту инфляции.

Разумеется, системно заложенная и систематически растущая инфляция рано или поздно должна была привести к окончательному обесцениванию денег. Если деньги перестают обмениваться на товары, то рынок автоматически прекращает своё существование. Таким обра-

²⁰ Превышение объёма валового продукта над объёмом валового потребления является обязательным условием для существования денежной экономики.

зом, стремление производителя денег к обладанию реальными ресурсами в конце концов неизбежно приводит к уничтожению рынка.

Главным спасением от подобного исхода является неутолимое стремление производителей реальных ресурсов к обладанию денежными знаками: чтобы становиться ещё богаче, они с каждым новым экономическим циклом стараются производить ещё больше товаров. И если при этом так же *кратно*, как количество свободных денег, увеличивается количество реальных товаров, — то, соответственно, стремится к нулю и показатель инфляции.

Впрочем, для уменьшения общего количества свободных денег на рынке издавна используются специализированные способы их абсорбции (связывания): это так называемые финансовые инструменты (акции, фьючерсы, опционы), финансовые инструменты на финансовые инструменты (деривативы), страхование, лотереи, аукционы предметов искусства, искусственные банкротства²¹ и многое другое.

Апофеозом борьбы со свободными деньгами можно считать Бреттон-Вудскую систему образца 1949 года, в рамках которой частные производители долларов США *обязали все остальные страны мира* изымать доллары США из свободного оборота и консервировать их в своих так называемых золотовалютных резервах.

Следует всё-таки признать, что в общем случае рыночная система вполне оптимальна, если количество и денег и реальных товаров в ней одновременно растёт по экспоненте, то есть в геометрической прогрессии.

Представить подобное на первый взгляд невозможно: это выглядит так, как если бы живой организм ежегодно как минимум вдвое увеличивался в размере. Однако большинство организмов примерно такую же динамику как раз и демонстрируют на раннем этапе своего развития.

Впрочем, денежные экономики также регулярно достигают подобных показателей роста, о чём говорят многочисленные промышленные и товарные революции.

Продолжая тему экономических врагов государства: подавляющее большинство свободных денег в рыночном обороте (то есть денег, полученных хозяйствами от продажи ресурсов, но не потраченных хозяйствами на покупку ресурсов) в конце каждого экономического цикла оказывается в руках посредников, а точнее — в руках элиты посредников: торговцев деньгами, получивших в европейской традиции название «банкиры».

Британский экономист Джон Мейнард Кейнс в своём труде «Общая теория занятости, процента и денег» однажды сформулировал так называемый *основной психологический закон*:

«Люди склонны, как правило, увеличивать своё потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растёт доход».

Это значит, что чем больше денег человек получает в своё распоряжение, тем больше денег он тратит, — однако ещё больше денег переводит в накопления, а из этих накоплений ещё больше переводит в инвестиции (накопления с дополнительным доходом).

Проще говоря, чем больше свободных денег имеется в рыночном обороте, тем быстрее они оказываются на банковском депозите.

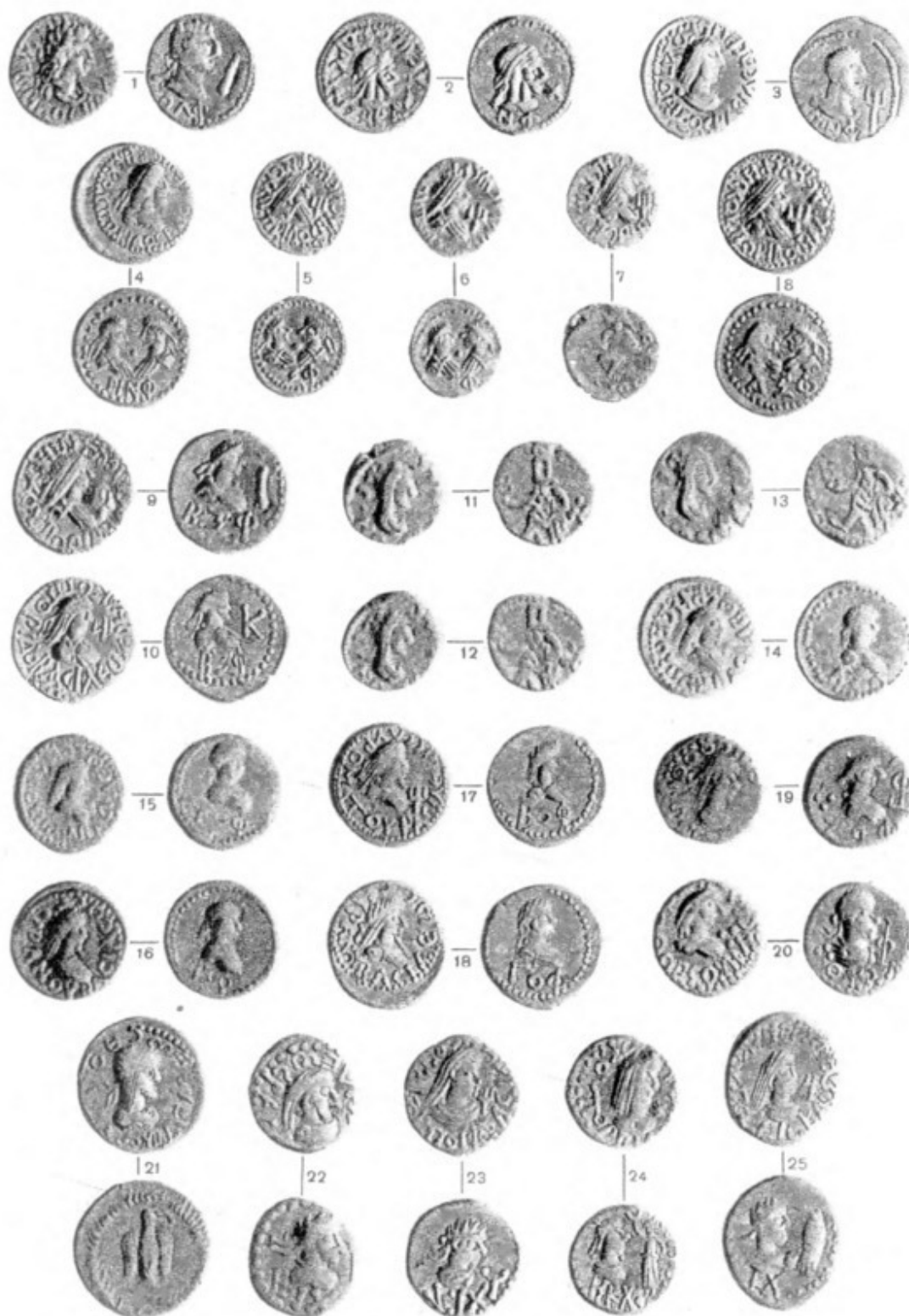
А ведь деньги, как тот джокер в колоде карт, на рынке всегда могут превратиться в реальные ресурсы.

²¹ Примером выдающегося искусственного банкротства можно назвать кризис 2008 года в США: тогда вкладчики коммерческих банков безвозвратно потеряли порядка 5 триллионов американских долларов. В результате один из директоров одного из банков был посажен в тюрьму (ненадолго).

Обладание ресурсами при наличии намерений — это и есть власть. И чем больше государи получали власти в виде реальных ресурсов, тем больше банкиры получали власти в виде денег. Таким образом, государства, развивая рыночную экономику и накачивая рынок деньгами, последовательно увеличивали мощь элиты рыночных посредников, неизбежно превращая их в своих оппонентов.

По этой причине с возникновением рынков и денег одним из основных событий в истории человечества становится непрекращающаяся борьба между государями и банкирами *за монополию на власть*.

Таблица I.

В древности монеты не имели номинала: таблица из книги Зограф А. Античные монеты. М.-Л. 1951

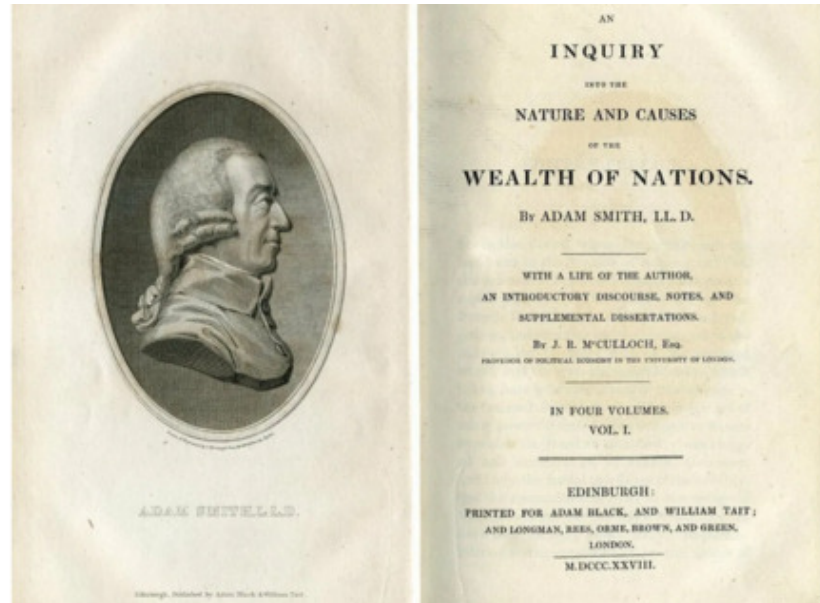
Если возникала необходимость в разменной монете, основную монету делили («резали» или «рубili») на части. Причём равноценные части монеты всегда отличались по количеству металла: очевидно, что металл не являлся основой их ценности. Рубленые аббасидские дирхамы: фото auction-imperia.ru

Лангедокский канал был открыт в 1681 году, в самый разгар так называемого «французского феодального абсолютизма», и успешно продолжает действовать до сих пор: туристическая баржа пересекает реку Орб по акведуку. Фото: www.entiretravel.com.au

Жан-Батист Кольбер (1619—1683) — один из наиболее эффективных строителей капитализма во Франции

Адам Смит (1723—1790) доступно разъяснил, что вернейший путь к богатству нации — это рыночное разделение труда

Джон Мейнард Кейнс (1883—1946) утверждал, что чем больше денег появляется в рыночном обороте, тем быстрее эти деньги оказываются на банковском депозите. Фото: www.bloomberg.com

Глава первая. Этапы большого пути

— Валико, если большой самолёт и твой вертолёт цепью связать,
кто победит?

— Цепь.

К/ф «Мимино»,
реж. Г. Данелия (1977)

Может казаться, что борьба между государями и банкирами должна быть неравной: власть денег появляется позже власти, обеспеченной ресурсами, и поэтому государи обладали как минимум преимуществом превентивного удара. И действительно, в истории имеются многочисленные примеры, как государи пользовались своим преимуществом.

Самым простым способом сделать это была конфискация имущества. В интересах развития рынка государи некоторое время терпели банкиров, позволяя им накапливать свободные деньги, после чего однажды обнуляли эти накопления, забирая всё себе. Обычно это делалось так: банкирам приказывали оставить на месте всё своё имущество и немедленно покинуть страну.

В Средние века в Западной Европе наиболее развитые рынки были расположены в северной части Италии, поэтому и деньгами тогда по всей Европе торговали в основном итальянцы (точнее, уроженцы Ломбардии). Кроме того, иудеям в большинстве западноевропейских стран в то время запрещалось владеть землёй — а значит, они не могли прокормить себя обычным земледелием и также становились посредниками. Поэтому в Средние века государи регулярно изгоняли из своих стран итальянцев²² и евреев. Например, это делали французские короли Филипп II в 1182 году и Филипп IV в 1306 году. Из Англии итальянцы были изгнаны королём Генрихом III в 1240 году, а евреи — Эдвардом I в 1290 году²³.

После изгнания профессиональных посредников почти полностью прекращались движение денег в экономике и, соответственно, связанный с этими деньгами товарооборот²⁴. Поэтому изгнанники регулярно приглашались в те же страны, откуда до того были изгнаны.

Однако не только изгнания практиковали государи в качестве противобанкирского оружия. Гораздо чаще они применяли более гуманный способ борьбы — невозврат долгов. Например, английский король Генрих II (1154—1189) не вернул некоему Аарону из Линкольна сумму, почти равную годовому доходу королевства от налогов. В более поздний период богатейший банк Фуггеров (Фукеров) разорился в результате нескольких последовательных невозвратов кредитов, которые он всё равно продолжал выдавать Габсбургам²⁵.

#

Нанесённый по банковским структурам удар спустя время отражался на всей рыночной экономике в целом, ослабляя самих же государей. Поэтому наиболее дальновидные из государей старались банки не уничтожить, а возглавить.

²² В энциклопедии Брокгауза и Ефрона сказано: «Если, с одной стороны, итальянские банкиры развитием кредита оказывали значительные услуги средневековому обществу, то с другой — история повествует о частых и жестоких гонениях, которым они подвергались».

²³ Итальянцы вернулись в Англию уже через 10 лет после изгнания, а евреи только через 365 лет, при Оливере Кромвеле: судя по всему, между банкирами также велась своя конкурентная борьба за выживание.

²⁴ В одной из своих хроник Годфруа Парижский (Geoffroi de Paris), умерший в 1320 году, записал: «Евреи... делали свою работу быстро и эффективно... Без них пришла в упадок торговля, и многие состояния резко поубавились. Стало трудно находить деньги. Сегодня почти не осталось людей, которые могли бы одалживать деньги».

²⁵ Одной из популярных версий, объясняющих гибель тамплиеров (об этом ниже), является якобы нежелание короля Франции возвращать взятые им в долг деньги. Как видно из приведённых примеров, сжигать монахов для списания долга было совершенно не обязательно.

К примеру, любопытный способ владения банковской системой был опробован в Англии: там однажды было объявлено королевской собственностью всё еврейское население страны.

Относительно крупная община иудеев появилась в Англии во времена нормандского вторжения: в 1066 году Вильгельм Завоеватель привёз в Лондон «*сообщество богатых евреев*» из Руана. Сразу после этого новый король потребовал, чтобы местные бароны вносили налоги в казну не в натуральном, а в денежном виде, для чего по всей стране с помощью привезённых специалистов была создана сеть банковских отделений.

Возможно, первые руанские банкиры уже были собственностью короля, однако соответствующая статья появляется в «Законах Эдварда Исповедника» (*Leges regis Edwardi*) позднее, после 1070 года²⁶:

«Да будет известно, что все евреи должны находиться во всём государстве под защитой и покровительством короля.

Никто из них не может без разрешения короля переходить к какому-либо богатому владельцу, ибо евреи со всем их имуществом принадлежат королю; так что, если бы кто захватил их самих или их деньги, король, если сможет и захочет, будет требовать возвращения их как своей собственности».

Так продолжалось примерно около ста лет: английские короли чеканили монеты, которыми оплачивали всё им необходимое, после чего королевские евреи, *servi camerae regis*²⁷, возвращали обратно в казну потраченные монеты. Количество возвращённых монет каждый раз заметно отличалось в меньшую сторону от количества потраченных, поэтому приходилось изыскивать возможности для нового чекана. Вместе с тем королевским еврейским банкирам длительное время как-то удавалось быть убедительными при обосновании постоянной и неизбежной убыли монет.

Впрочем, всё изменилось при короле Генрихе II. Если в начале его правления евреям была дарована привилегированная²⁸ «Хартия евреев Англии и Нормандии» (*Charta judaeorum Angliae et Normandiae*), то под конец — начались еврейские погромы, открыто поощряемые как местными, так и центральными властями.

Вероятно, столь контрастные перемены были связаны с результатом деятельности Scaccarium Aronis — специальной комиссии, проводившей инвентаризацию наследства почившего в бозе упомянутого Аарона из Линкольна. Когда комиссия подвела итог, сумма оказалась сногшибательной и стало очевидным, кто и кем на самом деле владел.

Следующий король, Ричард I Львиное Сердце (1189—1199), трёхдневная коронация которого сопровождалась еврейским погромом в Лондоне, создаёт в 1194 году новую форму владения банкирами — «Еврейское казначейство», или Scaccarium Judaeorum, или *Эксчекер*.

Главная особенность Эксчекера состояла в том, что все записи о кредитных операциях евреев (*schetarah*) дублировались специально для этого назначенными королевскими чиновниками (*clerici*). Отделения Эксчекера действовали в 26 городах королевства.

Фактически король стал «спящим» компаньоном банкиров (*sleeping partner*): евреям было позволено брать 2 пенса в неделю за каждый фунт долга (то есть около 43,3% годовых), взамен король получал 10% от всех сумм, возвращаемых должниками.

²⁶ Англия // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1908.

²⁷ *Servi camerae regis* (лат.) — слуги королевской казны.

²⁸ Согласно хартии, достаточным основанием для снятия обвинений с еврея признавалась его клятва на Торе; при разрешении долгового спора сумму кредита устанавливал еврей, а процент по кредиту — христианин и т. д. Исследователь истории права И. Шерер считал этот закон «светлым моментом в истории английских евреев».

Обратим внимание, что Эксчекер был учреждён после возвращения короля из Третьего крестового похода, в ходе которого произошло его тесное знакомство с тамплиерами²⁹.

Через пять лет после своего возвращения король Ричард I Львиное Сердце был смертельно ранен арбалетным болтом во время осады замка Шалю-Шаброль во Франции и 6 апреля 1199 года скончался.

Новый король, Джон Безземельный, с которым Ричард при жизни открыто враждовал, либо не получил в наследство системы Эксчекера, либо не оценил по достоинству её выгод. Во всяком случае, сохранились сведения³⁰, что он вымогал у евреев деньги путём вырывания по одному зубу в день (разумеется, не своему).

При Джоне Безземельном после 1213 года в стране усилилось влияние католической церкви, а вместе с этим и влияние «папских ростовщиков», то есть итальянских банкиров. Давление на евреев возрастало со всех сторон, и в 1218 году в Англии впервые в известной истории их обязали постоянно носить на одежде отличительный знак (эту практику в дальнейшем повторили в гитлеровской Германии); во время Второй баронской войны (1264—1267) мятежники в захваченных городах одновременно с еврейскими погромами уничтожали архивы Эксчекера. В 1275 году король Эдвард I запретил евреям заниматься кредитованием, а в 1290 году под страхом смерти изгнал их всех из страны (разумеется, без имущества).

После этого главными банкирами Английского королевства стали итальянцы, которые через некоторое время вполне предсказуемо превратились и в главных его врагов.

А врагам, как известно, долгов не возвращают.

По оценке флорентийского банкира и хрониста Джованни Виллани (1274—1348), король Эдвард III в 1343 году не вернул 600 тысяч флоринов банку Перуцци, а через два года — 900 тысяч флоринов банку Барди³¹, что стало одной из основных причин их банкротства. В общем же можно утверждать, что действительно государи испокон веков старались держать своих банкиров в ежовых рукавицах.

Разумеется, банкиры также испокон веков отвечали государям глубокой взаимностью. Сопротивляться в открытую позволить себе они не могли, поэтому обычно банкиры «покупали» сопротивление, то есть финансировали различных радикальных оппозиционеров, обеспечивая им возможность устраивать мятежи.

Правда, в случае успеха мятежа не было гарантий, что новые власти не поведут себя по отношению к банкирам так же, как и свергнутые предыдущие государи, поэтому банкиры старались создавать собственных радикальных оппозиционеров, которых можно было бы контролировать. Обычно это делалось так: определялись источники финансирования, разрабатывалась идеология, для популяризации этой идеологии обеспечивалась информационная поддержка, формировалось штатное расписание. Затем в практически готовую структуру нанимались люди. Такой профессиональный подход к организации мятежей привёл к тому, что их участники сами себя стали называть *профессиональными революционерами*³².

Впрочем, на вооружении банкиров имелось ещё одно эффективное средство против государей, а именно — монеты из драгоценных металлов. Торговцы, массово участвуя в процессе обмена денег и товаров, имели возможность оказывать предпочтение каким-либо определённым деньгам. Участники рынка, зная о предпочтении торговцев, также стремились в результате

²⁹ На обратном пути из похода Ричард был пленён по указанию императора Священной Римской империи. После уплаты выкупа и освобождения из плена на пути от Австрии до Англии Ричарда сопровождали и охраняли тамплиеры.

³⁰ Taylor J. A view of the money system of England, from the Conquest. London, 1828. P. 20.

³¹ Это значит две и три тонны золота.

³² См., напр.: Einsenstein E. The First Professional Revolutionist: Filippo Michele Buonarroti (1761—1837). Cambridge, 1959.

обмена получать за свои товары именно те деньги, которые нравились торговцам. А торговцам однажды начали нравиться деньги, изготовленные из серебра или из золота³³.

В свою очередь, производителю денег, то есть государству, приходилось учитывать предпочтения прочих участников рынка и в целях сохранения максимальной востребованности своего товара изготавливать его именно из тех материалов, которые нравились торговцам. Однако денег из серебра или золота получалось, во-первых, небольшое, а во-вторых, ограниченное количество.

Что значит для экономики небольшое ограниченное количество денег?

С одной стороны, это значит, что такие деньги быстро закончатся у государей и окажутся у банкиров, так как государи в какой-то момент просто не смогут больше производить свой эксклюзивный товар из-за отсутствия сырья. С другой стороны, любой организм при небольшом ограниченном количестве крови прекращает рост, в случае же с деньгами — останавливается развитие экономики. Следовательно, деньги из драгоценных металлов — это инструмент удушения экономики.

Однако возникает парадокс: в Евразии деньги из драгоценных металлов использовались на протяжении нескольких тысячелетий, общее количество серебра и золота действительно оставалось небольшим, но экономическое развитие в Евразии, за исключением сравнительно непродолжительных периодов, активно продолжалось. Получается, что автор напрасно обвинил монеты из драгоценных металлов в убийстве экономики: удушение, которое непрерывно продолжается тысячелетиями, — это, согласитесь, звучит как-то несерьёзно. Впрочем, наглядно доказать правоту предъявленного обвинения позволяет элементарная арифметика.

Согласно приблизительным подсчётам, за всю историю человечества всего было добыто порядка 150 тысяч тонн, то есть 150 миллиардов граммов золота. По состоянию на февраль 2026 года считается, что на нашей планете проживает немногим более 8 миллиардов человек. При этом российская золотая монета номиналом 10 рублей (империал) 1896 года выпуска содержит 11,6 грамма чистого золота.

Следовательно, если всё золото мира, включая ювелирное и техническое, прямо сейчас использовать для изготовления денег, то на каждого жителя Земли придётся приблизительно по 16 золотых рублей, или примерно полтора империала.

Может ли наш читатель представить себе мировую экономику, в которой на каждого человека приходится всего лишь полторы монеты денег? Ну ладно, пусть даже по 16 однорублёвых монет?

Проблема заключается не в соотношении стоимости золота, содержащегося в этих полтора империалах, к стоимости годового прожиточного минимума для одного человека³⁴. Это соотношение к экономике вообще не имеет никакого отношения.

Проблема заключается в том, что имея всего лишь 16 штук отдельных предметов³⁵, очень сложно в условиях рынка обеспечить себя всем необходимым на период древнего экономического цикла «от урожая к урожаю», то есть в течение хотя бы полугода.

Невозможно менять на рынке каждый месяц один-два предмета, чтобы получить одновременно и продукты питания, и одежду, и обувь, и массу прочего необходимого плюс что-

³³ Серебра в земных недрах содержится примерно в 15 раз больше, чем золота, однако при этом самородное серебро встречается в 5 раз реже самородного золота и в 50 раз реже самородной меди. Со временем люди научились получать серебро из серебристого свинца путём купелиции (разделения сплава металлов с помощью окисления), но до тех пор именно серебро имело наивысшую ценность среди известных металлов.

³⁴ В феврале 2026 года при биржевой стоимости 12 350 рублей за один грамм золота монетные полтора империала соответствовали 229 216 современных российских рублей.

³⁵ Здесь следует абстрагироваться от того, что эти предметы называются деньгами.

нибудь для души. Для человека иметь всего лишь 16 монет на полгода жизни — это всё равно, что иметь всего лишь 16 штук эритроцитов на весь объём его крови. Не успеют эти 16 эритроцитов разнести необходимый кислород по всем клеткам человеческого организма.

Так и с деньгами: невозможно всего лишь за 16 рыночных транзакций, то есть обменов предмета на предмет (независимо от их стоимости), обеспечить человека всем необходимым на полугодие. Эритроцитов, как и денег, должно быть много, достаточно много, чтобы хватало и на кислород, и на товарооборот.

Вернёмся к денежно-металлическому парадоксу: как же получилось, что при использовании в течение тысячелетий сравнительно небольшого количества серебряных и золотых монет евразийская экономика развивалась, как будто бы этих монет на самом деле было достаточно много?

В 1202 году некий Леонардо Пизанский, известный всему миру по прозвищу Фибоначчи³⁶, написал трактат, который начинался такими словами:

«Девять индусских знаков суть следующие: 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. С помощью этих знаков и знака 0, который называется по-арабски „сифр“, можно написать какое угодно число».

Работая у отца на таможне в африканском порту Бужи (Беджаия в нынешнем Алжире), будущий великий математик обратил внимание, что удобнее производить арифметические действия, используя не распространённые в то время в Европе римские цифры, а систему исчисления, принятую арабскими купцами. Если вы сейчас попытаетесь разделить в столбик, например, число MCCXLVIII на число XII, вы тоже почувствуете эту разницу.

Но не только описанию новых цифр были посвящены 15 глав поистине эпохальной Леонардовой книги *Liber abaci*. В этом трактате он познакомил европейцев с дробями и смешанными числами, с иррациональными величинами, со свойствами пропорции, с арифметической и геометрической прогрессией, линейными и квадратными уравнениями и ещё многими полезными знаниями, без которых сейчас совершенно немыслима человеческая цивилизация.

Кроме нулевой величины (в римской системе счисления нет обозначения для нуля), Леонардо первым среди европейцев ввёл понятие отрицательного числа. Чтобы довести до непосвящённых суть этого нововведения, он истолковал его через *задолженность*.

Спустя 693 года авторитетный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона весьма проницательно отметил:

«Кредитное обращение, после натуральной мены и денежного обращения, характеризует третью ступень в обращении ценностей, свидетельствующую о более высоком развитии народного хозяйства».

Именно долг, или кредит, сделал возможным для денежных экономик преодоление убийственного золото-серебряного монетного предела (или, если взглянуть с иного ракурса, беспредела).

Известно, что торговцы деньгами ещё во времена Древней Греции (τραπεζίται — трапезиты), а потом и в Древнем Риме (argentarii — аргентарии) зачастую принимали на хранение от соотечественников их драгоценности и монеты. При этом для каждого вкладчика в специальных таблицах³⁷ делалась запись с указанием количества принятых ценностей.

Со временем среди вкладчиков получил распространение прекрасный обычай при каких-либо взаиморасчётах передавать друг другу не наличные деньги, а каким-либо способом сообщать хранителям денег о необходимости внести соответствующие изменения в записях соответствующих таблиц.

³⁶ Сам Леонардо этим прозвищем себя никогда не именовал.

³⁷ У римлян эти таблицы назывались *noten*, то есть «именованные», — аналог современного банковского личного счёта.

У древних римлян для обозначения платежа посредством переноса определённой суммы с таблицы одного клиента в таблицу другого использовалось слово *transcribere*, которое являлось синонимом слова «платить».

Разумеется, торговцы деньгами не только хранили чужие финансовые активы, но и своими собственными при необходимости одалживали всех желающих (при соблюдении своего интереса³⁸, разумеется).

И вот однажды некоему мудрому древнему банкиру пришла в голову нетривиальная идея: клиенту, желающему взять деньги в долг, можно дописать в его именную таблицу сумму, равную величине кредита. Величина кредита при этом может *превышать* количество металлических монет, которые на самом деле имеются у банкира. Ведь если должник будет производить свои платежи безналично посредством *transcribere*, то реальных монет для этого совершенно не потребуется³⁹.

Когда же придёт срок возврата долга, банкир уберёт с текущего счёта должника добавленную ранее сумму, а из хранящихся в банке монет должника возьмёт себе оговорённый процент по кредиту. И в таком случае получается, что максимальный размер кредита будет ограничиваться уже не количеством собственных монет банкира, а количеством находящихся у него монет клиентов. Причём клиентских монет должно быть достаточно всего лишь для покрытия процента по кредиту⁴⁰ — и тогда банкир гарантированно будет иметь доходность даже в случае невозврата клиентами их долга.

Именно так торговцы деньгами однажды превратились в производителей денег, а презренного металла им для этого требовалось не больше, чем было необходимо для покрытия процентной ставки, устанавливаемой самими же банкирами.

Таким образом организм экономики получил возможность подпитываться любым количеством «свежей крови», обеспеченным всего лишь уверенностью клиентов в том, что у банкиров в сейфах хранится столько же денег, сколько банкиры выдают им в долг.

Спустя время банкиры стали выдавать кредиты, имея в хранилищах не металлические деньги, а кредиты, одолженные у других банков, с более безупречной репутацией. Кредитные учреждения с наиболее безупречной репутацией со временем превратились в центральные банки стран — в кредиторов последней инстанции.

Миром перестал править металл. Миром стал править кредит. И возможности этой *третьей ступени в обращении ценностей* наглядно иллюстрирует следующий пример: 5 октября 2022 года государственный долг Соединённых Штатов Америки впервые превысил 31 000 000 000 000 (тридцать один триллион) долларов. Если перевести эту сумму в металл по действующей на тот момент биржевой цене, равной 1860 долларам за тройскую унцию, то получится, что правительству США был выдан кредит, эквивалентный 518,3 тысячи тонн золота. Это приблизительно в 3,5 раза больше, чем было добыто золота на нашей планете за всю историю человечества.

³⁸ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1895): «В Греции банковая деятельность впервые развивается в начале IV столетия до Р. Х. Занятия (для заимодавцев) были очень выгодны, так как размер роста не был узаконен и колебался от 12—18%, самый низкий процент — 10%, самый высокий — 36%».

³⁹ Оплата посредством банковского чека в Древнем Риме называлась *per mensae scripturam*, в отличие от расчёта наличными — *ex area propria*.

⁴⁰ Отсюда следует очевидный вывод: чем меньше процентная ставка, тем выше допустимый потолок для кредита и тем больше денег появляется в обороте.

Барельеф с изображением банковского отделения в Древнем Риме (DeAgostini/Leemage/Музей римской цивилизации, Рим)

OFFICERS RECEIVING AND WEIGHING COIN AT THE EXCHEQUER.

A.D. 1130 1174.

MS. Trin. Coll. Camb. R. 17, 1.

«Чиновники, принимающие и взвешивающие монеты в казначействе» (Иллюстрация из книги Green J.R. A short history of the English people. London: Macmillan, 1893)

Леонардо Пизанский (Иллюстрация из книги Smith D.E. A portfolio of portraits of eminent mathematicians. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1905)

Квентин Массейс. «Меняла с женой», 1514 (Лувр, Париж). Изначально на раме картины была надпись: «Пусть весы будут верными, а вес точным»

Петрус Кристус. «Святой Элигий», 1449 (Метрополитен музей, Нью-Йорк). Элигий (588—660) был ювелиром и минцмейстером (изготовителем монет) франкского короля Хлотаря II, позже был избран епископом городов Нуайон и Турне. Считается покровителем ювелиров и нумизматов (но не банкиров)

Давид Тенирс Младший. «Аллегория жадности», 1660 (частная коллекция)

Глава вторая. С крестом или...

Хи сказал: «Я отнесу плохую вещь на край света и там её выкину».
Пабо ответил: «Край света далеко. Двадцать, а может, и сорок дней ходу».

Хи сказал: «Отправляюсь завтра».

#

*К/ф «Наверное, боги сошли с ума»,
реж. Джейми Уйс (1980)*

Разумеется, кредитование путём приписки денежных сумм на личные счета клиентов возможно только при достаточно большой клиентской базе, в рамках которой происходит достаточно большое количество транзакций, то есть переводов денежных сумм со счёта на счёт между различными клиентами. Другими словами, для создания денег из пустоты необходим не только рынок, но и присутствие на нём развитой банковской инфраструктуры. Однако на самом деле не все исторические периоды на территории Европы способствовали как рыночным отношениям, так и развитию банковской инфраструктуры.

Например, вскоре после низложения 4 сентября 476 года германскими варварами западноримского императора Ромула Августа для западных европейцев наступили так называемые Тёмные века. Этот период характеризовался практически полным разрушением прежних экономических связей, на которых держалась европейская рыночная кооперация.

Всё усугубила так называемая Юстинианова чума — пандемия болезни со смертностью 99%, которая началась в 542 году в египетском порту Пелусий и стала причиной, по разным оценкам, от 30 до 100 миллионов жертв в Евразии.

Тогда Западная Европа для выживания была вынуждена вернуться к ведению естественного хозяйства, то есть каждый экономический субъект перешёл к самостоятельному обеспечению себя всеми необходимыми ресурсами⁴¹. Спустя несколько столетий заново образовавшиеся европейские государства начали практически с нуля создавать свои денежные, то есть рыночные, экономики.

При этом европейские торговцы по-прежнему продолжали придерживаться стратегии металлических монет. Связанный с этим дефицит денег в свободном обороте при отсутствии развитой банковской сети и возможности совершать *transcribere* эти торговцы в значительной мере компенсировали векселями, то есть взаимозачётами, также не требующими наличности. Именно на Средние века приходится расцвет так называемых вексельных ярмарок.

Впрочем, драгоценных металлов в казне новосозданных европейских государств от этого не прибавлялось. И в тот самый момент, когда усилиями государей в Западной Европе наконец-то возродилась денежная экономика и закончились Тёмные века, произошёл один из самых трагических эпизодов битвы за власть между государями и банкирами.

Началась эта история в 1095 году, когда римский папа Урбан II на церковном собрании во французском городе Клермоне⁴² потребовал от присутствующих поклясться отправиться в Святую землю с оружием в руках, чтобы отвоевать город Иерусалим у неверных. Дальнейшее развитие этой инициативы в истории стало известно под названием *Первый крестовый поход*⁴³.

⁴¹ Отход от рынка к естественному хозяйству приводил к возникновению в общепринятой истории так называемых безмонетных периодов.

⁴² Клермон (Clermont) — древний город в Центральной Франции в исторической провинции Овернь (Auvergne). В описываемый период Клермон был независим от графа Оверни и управлялся непосредственно епископом.

⁴³ На самом деле до 1095 года папа римский уже как минимум однажды благословлял и отправлял католиков на террито-

Это историческое событие оказалось весьма резонансным, поэтому спустя некоторое время многочисленные специалисты начали его исследовать, что, собственно, продолжают делать до сих пор. За прошедшие несколько веков стараниями специалистов закономерно был сформирован определённый комплект общеизвестных фактов, которые, как считается, и заключают в себе суть происшедшего.

Вкратце эти факты таковы.

По завершении XI века Западная Европа представляла собою напряжённую субстанцию, в которой из-за отсутствия сильной централизованной власти творился феодальный беспредел. Многочисленные бароны постоянно воевали друг против друга, стараясь забрать себе кусок соседской земли побольше. Земля тогда считалась высшей ценностью, и чтобы сохранить эту ценность в одних руках, бароны передавали свои земли по наследству старшему сыну. Если же в семье были ещё сыновья, то им оставалось довольствоваться своим благородным происхождением, воинским умением и родительским благословением. Такие младшие баронские дети в худшем случае становились наёмниками в армиях других баронов и через некоторое время погибали в бесконечных феодальных войнах. В лучшем же случае — до того, как погибнуть в бою, они успевали получить в награду за свою доблесть кусок чужой земли из рук своего нанимателя, чтобы в дальнейшем передать эту землю по наследству собственному старшему сыну.

Баронских сыновей в Западной Европе по естественным причинам становилось всё больше, однако общая площадь Западной Европы не увеличивалась, поэтому война за землю с каждым новым поколением баронов становилась жёстче.

И вот однажды в эту тотальную западноевропейскую мясорубку вмешался папа римский. Перед этим к папе с просьбой о помощи обратился император Византии, у которого мусульмане отняли много имперской территории и подобрались практически к стенам имперской столицы — Константинополю.

Византийский император был православным, однако в его просьбе католический папа узрел возможность для будущего объединения двух христианских церквей в одну — разумеется, под своим руководством.

В общем, папа решил помочь византийцу.

Был созван Клермонский собор, на котором папа предложил пастве отправиться в Византию, чтобы плечом к плечу с православными единоверцами дать отпор вторгнвшимся мусульманам.

Чтобы предложение заинтересовало католиков, папа обещал участникам похода прощение грехов, а погибшим в походе — райскую жизнь.

Чтобы это предложение было интересно баронам, папа предложил после Византии дойти до Святой земли, захватить город Иерусалим и наконец-то вернуть его христианам. Земля, которая будет попутно захвачена у мусульман, будет поделена между участниками похода — ведь эта священная земля должна находиться под сенью католической церкви, а не в руках неверных. К тому же земля эта очень плодородная⁴⁴.

рии, контролируемые мусульманами, — в город Махдия (в Тунисе) в 1087 году. Однако нумерация походов в нашей истории, по сути, ничего не меняет.

⁴⁴ «Let therefore hatred depart from among you, let your quarrels end, let wars cease, and let all dissensions and controversies slumber. Enter upon the road to the Holy Sepulchre; wrest that land from the wicked race, and subject it to yourselves. That land which as the Scripture says „floweth with milk and honey“, was given by God into the possession of the children of Israel. Jerusalem is the navel of the world; the land is fruitful above others, like another paradise of delights» (*Munro D. Urban and the Crusaders // Translations and Reprints from the Original Sources of European History. Vol. 1. No. 2. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1895. P. 7*). — «Итак, да отступит от вас ненависть, да прекратятся ваши раздоры, да прекратятся войны, и да утихнут все разногласия и споры. Вступите на дорогу к Гробу Господню; оторвите эту землю у нечестивого народа и подчините её себе. Та земля, которая, как говорит Писание, „течёт молоком и мёдом“, была дана Богом во владение детям Израиля. Иерусалим — это пуп мира; земля плодороднее других, как иной рай наслаждений».

Что характерно, больше всего предложение папы понравилось баронским сыновьям. Особенно тем, у которых благородное происхождение являлось единственным наследным имуществом. Какой же баронский сын, будучи в здравом уме, откажется от прощения всех грехов? Поэтому баронские сыновья, особенно младшие⁴⁵, с большим воодушевлением отправились в Византию воевать против мусульманских захватчиков.

После того они с ещё большим воодушевлением проследовали дальше в Святую землю и спустя три года сражений и прочих испытаний захватили там город Иерусалим. Особенно отличились предводители крестоносцев: Годфрид, Раймунд, Боэмунд и Танкред. Именно эти рыцари вместе с родственниками основали в Святой земле и её окрестностях новые государства: графство Эдесса, княжество Антиохия, графство Триполи, и наконец Иерусалимское королевство. Таким образом, в результате успешной реализации папского призыва на следующие почти двести лет западноевропейцы закрепились в Святой земле, то есть на восточном побережье Средиземного моря.

Таковы общеизвестные сведения о Первом крестовом походе, которые в ходе тщательного изучения имеющихся исторических материалов были установлены за прошедшие столетия специалистами и прочими исследователями.

Однако получившаяся на основе этих общеизвестных сведений картина обладает странной особенностью: в ней в общем всё достаточно логично, в деталях же — совсем наоборот. Подавляющее большинство деталей этой картины при ближайшем рассмотрении выглядят с общей картиною буквально *несовместимыми*, что закономерно вызывает вопросы. Однако специалисты, которые несколько столетий занимались исследованиями исторических материалов Первого крестового похода, этих вопросов почему-то даже не пытались задавать.

Например, вызывает вопрос то воодушевление, с которым жители Западной Европы восприняли призыв папы римского Урбана II, прозвучавший на Клермонском собрании в 1095 году. Дело в том, что в 1074 году папа римский Григорий VII тоже призывал католиков помогать византийцам в войне против мусульман. Однако в 1074 году из всей Европы на этот призыв откликнулся один-единственный Гильем VIII, он же граф Пуатье, он же герцог Аквитании, который, впрочем, в Византию так и не попал⁴⁶. При этом очевидно, что между 1074 и 1096 годами общепринятые побудительные мотивы Первого крестового похода изменений не претерпели: незанятой земли в Западной Европе всё так же не было, демографического взрыва среди безземельных баронских сыновей не произошло, всплесков массовой набожности также не наблюдалось, Святая земля как была, так и оставалась под контролем мусульман.

Получается, что одни и те же (общепринятые) факторы в 1074 году по всей Западной Европе оказали побудительное воздействие всего лишь на *одного человека*, а в 1095 году — уже на многие *десятки тысяч человек*. И здесь возникает очевидный вопрос: что же на самом деле послужило причиной для Первого крестового похода?

Или вот ещё один очевидный вопрос: а почему именно к папе Урбану II обратился за помощью византийский император Алексей I Комнин?

⁴⁵ «Принцип майората соблюдался очень жёстко... По этим законам всё движимое и недвижимое имущество феодала переходило только к старшему сыну, а остальные сыновья зачастую оставались в бедственном положении. Поэтому в Крестовое движение активно и в огромном количестве включаются младшие сыновья феодальных родов» (Карева В. История Средних веков. М.: ПСТБИ, 1999).

⁴⁶ Потому, что «... на его предложение папа всё же 10 сентября 1074 г. дал уклончивый ответ; он сослался на слух, что восточные христиане якобы одержали победу над язычниками» (Эрдман К. Происхождение идеи крестового похода. СПб.: Евразия, 2018. С. 252).

Дело в том, что в Западной Европе в 1095 году было одновременно *два римских папы* — Урбан II и Климент III, — которые вели яростную войну между собою. К тому же в ходе этой войны Климент III дольше своего конкурента, а именно с 1084 по 1095 год, контролировал Рим и, соответственно, папский престол. При этом Климента III открыто поддерживал Генрих IV, император Священной Римской империи германской нации, с которой у Византии были общая граница и более или менее добрососедские отношения. А вот нормандец Боэмунд (Марк) Тарентский, который длительное время являлся опаснейшим врагом Византии, наоборот, имел крепкие деловые контакты с папой Урбаном II. Поэтому не Урбана II, а именно Климента III в православной Византии признавали как легитимного папу римского⁴⁷.

С другой стороны, специалисты утверждают⁴⁸, что император Алексей I Комнин к 1095 году изменил своё мнение и начал благоволить к папе Урбану II, а не к папе Клименту III. Однако даже если сделать подобное допущение, то всё равно возникает вопрос: зачем в 1095 году православному византийскому императору просить у одного из католических пап военной помощи против сельджуков, если на тот момент у Византии в отношениях с сельджуками вообще не было никаких проблем?

Дело в том, что ещё в середине 1080-х годов в Сельджукском султанате разразилась настоящая гражданская война после того, как эмир Тутуш убил кузена эмира Сулеймана⁴⁹ и подослал убийц-ассасинов к родному брату султану Малику⁵⁰. Далее сын Малика султан Баркиярк убил дядю Тутуша, а родные братья султаны Баркиярк, Ахмед Санджар, Махмуд и Мухаммед все вместе начали воевать друг против друга (точнее, брат против брата). При таком раскладе византийский император Алексей I Комнин только и успевал получать территориальные бонусы, оказывая поддержку попеременно различным противоборствующим фракциям сельджуков.

Впрочем, одновременно с этим Византия действительно испытывала очень серьёзную угрозу на своей европейской границе: племена кочевников из причерноморских степей через Дунай и Балканы вторгались в империю и даже подступали к самому Константинополю. Для борьбы с этой опасностью Алексей I Комнин действительно использовал поддержку со стороны, как говорится, своих западных партнёров. Только этой поддержки он *не просил* — он эту поддержку *покупал*: на стороне византийцев против печенегов и половцев воевали наёмные отряды кельтов, англосаксов, франков⁵¹.

И как ни парадоксально это звучит, но Алексей I Комнин нанимал даже сельджуков, чтобы те вместе с византийцами воевали против южноитальянских нормандцев⁵². Сельджуков, для защиты от которых император якобы умолял папу ему помочь, — против нормандцев, которые якобы по зову папы пришли спасать императора!

⁴⁷ Например, известное послание киевского митрополита Иоанна II к папе Клименту III имело адресацию *pros Klementa papam tes presbyteras Romes* («папе старшего Рима»), то есть именно такую, которая была принята в Византии при обращении к римским папам.

⁴⁸ «Что пропаганда крестового похода 1095—1096 гг. была инициирована византийскими просьбами о помощи, не следует более подвергать сомнению» (Эрдман К. Происхождение идеи крестового похода. С. 445).

⁴⁹ По другой версии, Сулейман сам себя заколол мечом, чтобы не попасть в плен к Тутушу.

⁵⁰ По другой версии, ассасины убили султанского визиря Низама аль-Мулька, а спустя месяц султан Малик умер своей смертью.

⁵¹ Во время печенежской войны произошёл следующий случай. На обратном пути из Иерусалима на родину (после паломничества — вспомним на будущее) через Константинополь возвращался граф Фландрский. Византийский император заказал у графа и через некоторое время получил из Фландрии в своё распоряжение 500 конных воинов. В дальнейшем это событие послужило основой для знаменитой фальшивки под названием «Послание императора Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому», в которой Алексей якобы признаётся в своей полной неспособности противостоять туркам (!) и умоляет графа Роберта прислать хоть сколько-нибудь войск для обороны Константинополя, взамен обещая пойти на любые уступки в пользу католической церкви.

⁵² «Алексей нанимал сельджукские войска [против Гвискара] и одновременно поддерживал заговоры норманнской знати» (История Византии: в 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина. М.: Наука, 1967. Т. 2. С. 314).

Или вот ещё пример: появился под стенами Константинополя отряд крестоносцев под командованием Годфрида Буйонского в ожидании общего сбора остальных участников крестового похода. Это ожидание затянулось, и крестоносцы то ли со скуки, то ли от недоедания начали разбойничать, обижая местное население. В ответ византийский император окружил лагерь крестоносцев своими отрядами, что привело к прекращению разбоев и восстановлению относительного порядка. При этом в блокаде лагеря крестоносцев Годфрида участвовали в том числе и сельджукские отряды, находящиеся на службе у византийского императора.

Более того, Первый крестовый поход, якобы организованный по просьбе императора Алексея I Комнина *против сельджуков*, на самом деле для самого императора оказался неприятным сюрпризом. Вот что сообщает об этом его дочь Анна Комнина:

«Не успел он немного отдохнуть, как до него дошёл слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода... Но самодержец не пал духом, а всё делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе.

Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики... все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу»⁵³.

И здесь всплывает очередная деталь, влекущая очередной неудобный вопрос: почему Первый крестовый поход на самом деле был *двумя различными* Первыми крестовыми походами?

Папа римский Урбан II провозгласил вторжение католиков в Святую землю и назначил дату начала операции *на август* 1096 года. Однако значительная часть католиков стартовала раньше назначенного срока и отправилась в поход уже *в марте* 1096 года. Пройдя через всю Европу и Византию, *первый* Первый крестовый поход переправился в Турцию, где практически сразу же был уничтожен сельджуками.

После этого, как и договаривались, в августе 1096 года выступил *второй* Первый крестовый поход, который через Византию дошёл до Иерусалима и захватил этот город.

С точки зрения логики в сложившейся комбинации «один папа — два похода» логика отсутствует. Однако если обратить внимание на подробности этой комбинации, то отсутствие в ней логики становится удручающим.

На самом деле не известно, что именно говорил папа Урбан II на церковном собрании в Клермоне в ноябре 1095 года. Протокола этого собрания, по всей видимости, не велось. Поэтому каждый специалист или исследователь волен предлагать свою собственную версию папского выступления. Из нескольких базовых версий⁵⁴ лишь только Фульхерием Шартрским⁵⁵ зафиксировано, что папа отправляет крестоносцев в поход, «*как только закончится зима и наступит весна*». В других версиях о дате выступления вообще ничего не говорится. Однако имеется составленная в декабре 1095 года «Инструкция Урбана собирающимся крестоносцам», в которой определён другой срок: «отправиться в путь с Божьей помощью в день Успения Пресвятой Марии»⁵⁶, то есть 15 августа 1096 года.

⁵³ Комнина А. Алексиада. М.: Наука, 1965. С. 275.

⁵⁴ Американский специалист по Первому крестовому походу доктор Дана Манро насчитал шесть версий выступления Урбана II, которые появились не позднее 25 лет после проведения Клермонского собора.

⁵⁵ Фульхерий Шартрский (Fulcherius Carnotensis, Foucher de Chartres; 1059—1127) — французский священник, участник Первого крестового похода, автор рукописи «Иерусалимская история» (Historia Hierosolymitana), написанной с 1101 по 1127 год и впервые опубликованной в 1611 году в Германии.

⁵⁶ Urban's instructions to the assembling Crusaders // Krey A. The First Crusade: the accounts of eye-witnesses and participants.

Возникает дилемма: в источниках упоминаются две различные даты выступления крестоносцев в поход; при этом на каждую из дат приходится по одному походу. В таком случае можно ли считать папу Урбана II инициатором обоих походов? А если нельзя, то какой из двух походов был инициирован именно папой Урбаном II?

С точки зрения заявленной цели — освобождения христианских святынь от мусульман — добиваться этого лучше совместными усилиями, а не поодиночке. Поэтому решение папы Урбана II отправлять крестоносцев в бой россыпью вызывает сомнение. Однако с точки зрения другой заявленной цели — оказать помощь византийцам — сделать это необходимо было как можно скорее. Следовательно, имеется основание предположить, что папа действительно мог ориентироваться на погодные условия и призвать крестоносцев к походу сразу после окончания зимних морозов (хотя вместе с тем, кстати, начинается весенняя распутица). В таком случае каков же был стратегический смысл у следующей даты — 15 августа?

Дело в том, что в западноевропейских странах каждый хозяйственный (то есть экономический) год по традиции завершается 31 июля. Крестоносцы образца 1096 года не были регулярной армией на постоянном довольствии. Это были в основном «самозанятые» лица, то есть субъекты натурального, или естественного, хозяйствования, которые необходимыми ресурсами обеспечивали себя, как правило, самостоятельно. Поэтому разумно было бы отправлять людей в крестовый поход *по завершении хозяйственного года*, когда они соберут урожай и смогут обеспечить продовольствием себя на время похода и свои семьи — на время своего отсутствия.

Скорее всего, именно такое разумное решение было принято папой Урбаном II, после чего августовская дата появилась в его инструкции для будущих крестоносцев. А это значит, что к организации первого из двух Первых крестовых походов папа Урбан II, по сути, не имел никакого отношения⁵⁷.

Потому и показался «страшным» Анне Комнине первый увиденный ею Крестовый поход — ведь воевать против сельджуков крестоносцы шли вместе со своими жёнами и детьми.

Они выступили ранней весной, когда *ещё не успели* собрать с полей урожай озимых — и *уже не успели* засеять эти поля яровыми. В сложившейся ситуации оставить родных дома — значит, обречь их на голодную смерть. Поэтому крестоносцы шли буквально семьями и грабили безбожно всех, кто попадался на их пути, — а для западноевропейских евреев (местных иноверцев) этот *первый* Первый крестовый поход запомнился как трагические «гонения 4856 года».

Впрочем, неевреям тогда тоже досталось, и христиане, чтобы защитить свои дома от разграбления, нападали на крестоносцев, идущих освобождать для них Святую землю. Когда это избитое и голодное воинство, «переселяющееся в Азию», добралось до сельджуков, результат оказался предсказуемым: «ранневесенние» крестоносцы вместе с их жёнами и детьми были истреблены либо пленены.

И вот теперь становится очевидным ещё один неудобный вопрос: кому и зачем была необходима попытка захватить Святую землю руками «ранневесенних» крестоносцев *до того*, как её отправятся захватывать «позднелетние» крестоносцы папы Урбана II?

Впрочем, это далеко не все вопросы, которые, как белые нитки, торчат во все стороны из грубо сшитой общепринятой истории Первого крестового похода. Когда специалисты пытаются представить этот (точнее, второй — августовский) поход как «движение младших сыно-

Princeton, 1921. P. 42.

⁵⁷ Здесь возникает любопытный вопрос: а не был ли инициатором первого из двух Первых крестовых походов конкурент папы Урбана II — папа Климент III? Тем более что ранней весной в поход выступили немецкие крестоносцы, которые легитимным папой считали именно Климента III.

вей феодальных родов», становится не совсем понятно, каким образом среди этих младших сыновей оказались их старшие братья.

В действительности основными и главными действующими лицами второго Первого крестового похода были не безземельные бастарды, а вполне обеспеченные и владетельные представители западноевропейской дворянской элиты. Причём их участие в походе выглядело не стремлением за богатством, а в точности наоборот: ради возможности стать крестоносцами дворянская элита отказывалась и от денежных доходов, и от родовых поместий. Особенно это заметно на примере упомянутых предводителей крестоносцев — Годфрида, Раймунда, Боэмунда и Танкреда.

Годфрид, он же граф Буйона и герцог Нижней Лотарингии, — владеец земель, расположенных на северо-востоке нынешней Франции и юге нынешней Бельгии. Его отец был активным участником нормандского завоевания Англии и какое-то время являлся претендентом на английский престол. Годфрид в семье был вторым, средним сыном, однако, как это можно видеть из его титулов, наследством не обделённым. Более того, в крестовый поход Годфрид отправился вместе *со всеми* своими братьями. Старший брат вернулся домой, а младший, Балдуин, стал следующим после гибели Годфрида королём иерусалимским.

Чтобы принять участие в крестовом походе, Годфрид взял кредит под залог всех своих владений — Буйона и Нижней Лотарингии, которые в дальнейшем его родственники так и не смогли выкупить.

Крестоносец Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузы, маркиз Прованса и герцог Нарбонны, — уроженец юго-востока Франции, где его владения простирались на сотни километров. Ради участия в походе он бросает всё и вместе с женой отправляется якобы воевать за византийцев. В Утремере⁵⁸ Раймунд стал владельцем графства Триполи на территории нынешнего Ливана. Пока Раймунд отсутствовал, его графство Тулуза присвоил сосед, Гильем IX Трубадур, сын того самого несостоявшегося первого крестоносца образца 1074 года.

Боэмунд и Танкред Тарентские, дядя и племянник, более подходят под определение безземельных рыцарей, которые от безысходности отправляются отвоёвывать чужую собственность в далёких краях. Точнее, безземельным был отец Боэмунда и дедушка Танкреда, некий Роберт по прозвищу Гвискар⁵⁹, шестой из 12 сыновей небогатого нормандского барона Танкреда де Отвиля. Не имея ничего, кроме фамилии, коня и доспехов, Роберт Гвискар вслед за старшими братьями однажды отправился на заработки в Южную Италию, которая в те времена была поделена между лангобардами, византийцами и арабами, по причине чего являлась своеобразной «горячей точкой» и испытывала постоянную потребность в наёмниках.

Однако, изначально подрабатывая наёмниками у местных баронов, братья Отвиль со временем постепенно отняли южноитальянские земли и у лангобардов, и у византийцев, и у арабов. Созданное ими Королевство Сицилия просуществовало практически в неизменных границах до 1816 года, когда объединилось с Неаполем в Королевство обеих Сицилий, а ещё через 45 лет вошло в состав Королевства Италия.

К началу Первого крестового похода сын Роберта Гвискара, Боэмунд Тарентский кроме фамилии, коня и доспехов имел собственное княжество со столицей в Таранто (Таренте). Однако своё княжество Боэмунд оставил без присмотра, когда по зову папы римского отправился на помощь византийцам, с которыми он до этого длительное время беззаветно воевал⁶⁰.

⁵⁸ Территорию, которая была захвачена в ходе Первого крестового похода, французы называли Утремером (*фр.* outre-mér — «заморье», за граница).

⁵⁹ Guiscard (*норманд.*) — хитрец, «себе на уме».

⁶⁰ Роберт Гвискар вместе со своим сыном Боэмундом не только вытеснил византийцев с территории Италии, но и в 1081 году на Балканах вторгся на территорию собственно Византии.

В общем, получается парадоксальная ситуация: у всех известных крестоносцев на момент начала похода отсутствовали какие-либо разумные причины принять в нём участие. Даже наоборот, у них имелись веские причины *не принимать* участия в этом походе — особенно у обоих Тарентских, заклятых врагов византийцев. Однако крестоносцы бросали всё, что у них было, продавали последнее и с оружием в руках наперегонки устремлялись в Святую землю по зову одного из двух римских пап⁶¹. И если их мотивацией были не безземелье и не симпатии к византийцам, то остаётся только одна причина из тех, что были представлены специалистами-историками: страстное желание католиков отбить у мусульман главную христианскую святыню — Гроб Господень.

Действительно, Храм Гроба Господня, который стоит на том самом месте, где был распят, погребён, а затем воскрес Иисус Христос, однажды уже разрушался мусульманами до основания по приказу египетского (фатимидского) халифа аль-Хакима. Факт этот вполне мог бы послужить сильнейшим побудительным мотивом христиан для освобождения Святой земли. Однако разрушение Храма Гроба Господня произошло в 1009 году, то есть за 87 лет до начала Первого крестового похода, и отнюдь не стало причиной для католиков принять участие в походе, который, напомним, пытался организовать папа римский Григорий VII в 1074 году. Да и вряд ли в 1096 году главным стимулом для крестоносцев послужило событие, которое случилось три поколения назад.

Отметим также, что через 40 лет после разрушения Храм Гроба Господня был заново отстроен по инициативе византийского императора Константина IX Мономаха, которому, по легенде, ради этого пришлось отпустить из плена пять тысяч мусульман⁶². Более того, храм не только был заново отстроен, но и открыт для посещения христианскими паломниками. И это, по сути, ещё одна несовместимая с общей картиной деталь: ведь если бы крестоносцы отправились в Святую землю *без боестолкновений*, то они беспрепятственно могли посетить все святыне места и вернуться домой. Ни мусульмане-фатимиды, ни мусульмане-сельджуки не запрещали⁶³ посещения подконтрольного им Иерусалима христианскими паломниками: на самом деле ислам не считает христиан своими противниками. Например, в Священном Коране в пятой суре «Аль-Маида» сказано буквально следующее: «Ты также непременно найдёшь, что ближе всех в любви к верующим являются те, которые говорят: „Мы — христиане“».

По исламскому канону и христиане и иудеи являются *людьми Писания* (*ахль аль-китаб*), то есть теми, кому Священное Писание было даровано раньше, чем мусульманам, однако так получилось, что люди Писания, в отличие от мусульман, в своё время не совсем правильно его прочли.

Кроме того, очевидно, что многие пророки присутствуют одновременно как в христианстве, так и в исламе, например Ной / Нух, Авраам / Ибрахим, Моисей / Муса и даже сам Иисус / Иса, принёсший людям Евангелие / Инджиль. Собственно, пророк Мухаммад (Мухаммад ибн Абд Аллах) является потомком библейского Исмаила ибн Ибрахима (Измаила, сына Авраама). Иисус Христос и его деяния также упоминаются в Коране — а значит, те места, которые имели отношение к жизни и смерти Иисуса Христа, в определённой мере священны и для мусульман.

⁶¹ Напомним, что крестоносцами становились даже германцы, признававшие не папу Урбана II, а папу Климента III.

⁶² «This Roman emperor, in exchange it is said for five thousand Muslim prisoners, was given permission to rebuild on the site in 1048. His basilica was on scale even less lavish than that of Modestus, but worship resumed, and the building continues to be used for fifty years» (Wareham N., Gill J. Shrines of the Holy Land: a Pilgrim's Travel Guide. Ligouri, 1998. P. 65). — «Этот римский император, как говорят, в обмен на пять тысяч пленных мусульман получил разрешение на восстановление храма на том же самом месте в 1048 году. Его базилика была по масштабам менее роскошной, чем предыдущая, но богослужения возобновились, и здание продолжает использоваться в течение следующих пятидесяти лет».

⁶³ Инцидент 1009 года является исключением, особенно с учётом того, что среди чиновников халифа аль-Хакима было значительное количество армянских и греческих христиан.

Подтверждением беспрепятственного посещения людьми Писания святынь исламского пророка Исы являются многочисленные факты католического паломничества в Святую землю в течение именно XI века.

Например, в 1064 году огромную группу паломников водил в Иерусалим архиепископ Майнца: «В этом походе участвовало до семи тысяч христиан; значительной их части удалось добраться до цели, и патриарх Иерусалима торжественно встретил пилигримов, почтив их звуками литавр»⁶⁴. В 1081—1082 годах Святой город посетил архиепископ Амальфи, причём патриарх иерусалимский преподнёс амальфийцу в дар Перламутровый крест. Сейчас этот крест высотой в человеческий рост можно видеть в соборе Святого Андрея в Амальфи (*Duomo di Amalfi*). Очевидно, что в небольшой итальянский городок драгоценный подарок из Иерусалима был доставлен не распиленным на части и спрятанным в желудках паломников.

Не пренебрегали духовным путешествием к святым местам и более известные католики: пилигримом был герцог Роберт I Нормандский, он же Роберт Великолепный, отец Вильгельма Завоевателя, скончавшийся в Никее на обратном пути из Иерусалима в 1035 году.

Фульк Чёрный, граф Анжу, ходил в Иерусалим трижды⁶⁵.

Пилигримами были Фридрих, граф Вердена, Беранже, граф Барселоны, уже упоминавшийся Роберт, граф Фландрии, который на обратном пути заключил с императором Алексеем Комнином сделку на поставку византийцам 500 франкских наёмников.

Один из предводителей крестоносцев, граф Тулузский Раймунд де Сен-Жиль, до своего участия в крестовом походе как минимум единожды посетил Иерусалим в качестве паломника в 1071 году. Впрочем, в этом путешествии граф по неизвестной причине лишился глаза⁶⁶.

С христианскими же паломниками было связано происшествие, которое послужило отправной точкой для появления в Меццоджорно (Южная Италия) знаменитых братьев Отвиль.

Согласно легенде, в 1003 или 1005 году, возвращаясь домой из путешествия к святым местам, в городе Салерно остановились 40 нормандских пилигримов. И так получилось, что как раз в этот день приплыли в Салерно сарацинские пираты, которые потребовали от горожан крупный выкуп. А пока местный князь Гуаймарио III занимался сбором необходимой суммы, сарацины высадились на берег возле Салерно и, ни о чём не беспокоясь, начали «предаваться увеселениям, чревоугодию и разврату». Однако нормандские паломники, возмущённые вторжением неверных в приютивший их город, внезапно напали на сарацинов, многих убили, а остальных заставили убегать на своих кораблях так быстро, что вся пиратская добыча осталась здесь же, на берегу.

Впечатлённый происшедшим, князь Гуаймарио предложил пилигримам остаться, обещая им всеобщие почёт и уважение, а также достойный и стабильный заработок. Но паломники решили вернуться домой, обещав рассказать о предложении Гуаймарио у себя в Нормандии.

Слово пилигримское они сдержали: спустя время в Салерно прибыли 300 нормандцев, в числе которых были трое братьев Отвиль⁶⁷.

⁶⁴ Мишо Ж.-Ф. История крестовых походов. М.: Вече, 2005. С. 6. Отметим, что сравнительно столько же насчитывали крестоносцы Первого похода.

⁶⁵ «В году 1000-м графством Анжу (в западной части Центральной Франции) правил Фульк Нерра (987—1040), жестокий и алчный воин... он совершил три паломничества в Иерусалим, который располагался в 2000 миль от его родного графства» (*Эсбридж Т. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю*. М.: Центрполиграф, 2013. С. 10—11).

⁶⁶ Любопытно, что армянский хронист XIII века назвал этот инцидент 25-летней давности главной причиной Первого крестового похода: «1071. Таджики выкололи в Иерусалиме глаз князю Жинчилю (Сен-Жилу), который повёз глаз свой в Рим и показал его царям. Семь графов соединились по этому случаю, выступили в поход, разбили Таджики и воцарились в Иерусалиме: Маймун (Боамунд), Годфрид и Танкред, в продолжение 200 лет, до Саладина» (*Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вердепетом Айриванским*. М., 2010. С. 131).

⁶⁷ «La precorsa fama di questa gente cotanto favorita nelle nostre contrade, portata colà richiamò nuovi compagni, tra quali i figliuoli di Tancredi di Altavilla, Guglielmo, Drogone ed Unfredo, i quali con 300 soldati avendo liberata la Sicilia da' Saraceni, per le ingiustizie e violenze usate da Maniaco Catapono, ne preserò la vendetta e ne trassero la ricompensa con togliere ai Greci la Puglia»

Однако вернёмся к теме Первого крестового похода. Теперь мы можем утверждать следующее:

- причиной этого похода не была просьба императора Византии;
- причиной этого похода не было безземелье крестоносцев;
- причиной этого похода не было отсутствие возможности совершить паломничество к Святым местам;
- причина этого похода нам неизвестна.

Из этого, по сути, вытекает весьма неудобный для общепринятой истории вопрос: что же в действительности было причиной Первого крестового похода?

Впрочем, при ближайшем рассмотрении деталей, составляющих общую картину, не сложно обнаружить первую из подсказок к решению этой загадки.

Если обратить внимание на подготовку обоих Первых крестовых походов, то можно заметить в их организации достаточно выразительную черту — иррациональность поступков участников похода.

«Мартовские» крестоносцы иррационально отказались от настоящих и будущих урожаев, обрекая себя и свои семьи на голодную смерть, — а ведь они могли бы дожидаться августа и выступить в поход с другими крестоносцами, будучи сытыми, а жён и детей оставив дома в благополучии. «Августовские» крестоносцы иррационально продавали всё, что у них имелось, лишь бы получить возможность участвовать в походе, — как будто это была какая-то финансовая пирамида.

Именно иррациональность поступков жертвы (особенно если это связано с её имуществом) считается существенным отличительным признаком применения различных мошеннических схем⁶⁸. Другими словами, действия крестоносцев Первого крестового похода изначально выглядели так, как если бы кто-то воспользовался их «когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищённостью»⁶⁹ в своих интересах и принудил их массово выступить с оружием в руках в сторону Иерусалима.

Причём крестоносцев принуждали к этому выступлению *две различные* заинтересованные силы. Одна из этих сил задействовала папу Урбана II — так сказать, «лицензионного» влиятеля на католиков; другая же для достижения аналогичных целей воспользовалась «контрафактным» влиятелем, «пророком» Петром Амьенским, известным византийцам как Кукупетрос, а всем остальным — как Пётр Пустынник⁷⁰.

(Camera M. *Istoria della città e costiera di Amalfi*. Napoli, 1836. P. 131). — «Прежняя слава этих людей, столь благоволившая в наших краях, привлекла туда новых соратников, среди которых были сыновья Танкреда де Отвиля, Вильгельм, Дрогон и Унфредо, которые с 300 воинами освободили Сицилию от сарацин, а за несправедливости и насилие, сотворённые катапоне Маньячи, отомстили ему и получили за это награду — отнятую у греков Апулию».

⁶⁸ Основная причина вовлечения людей в пирамиды — абсолютно иррациональная вера // Коммерсантъ. 2018. 12 дек. №236. С. 10.

⁶⁹ «... Как отдельные личности, так и группы людей могут проявлять инициативу в выстраивании определённых социальных ситуаций и добиваться столь же (пред) определённого поведения других людей, вовлекаемых в эти ситуации. Это обстоятельство в случаях мошенничества и других негативных социально-психологических воздействий оказывается фактором личностной и групповой уязвимости, которым могут интуитивно или вполне осознанно (целенаправленно) воспользоваться отдельные лица или группировки для осуществления противоправных действий» (Волков Е. Преступная эксплуатация когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищённости — базовые механизмы, основные признаки и проблемы экспертного выявления // Профилактика психологического насилия, манипулирования сознанием и развитие критического мышления в молодёжной среде. Киев: Союз защиты семьи и личности, 2004. С. 125—133).

⁷⁰ «Все признавали его власть... Многие выдёргивали, как святыню, шерсть из его мула» (Пётр Амьенский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1898. Т. 23а).

Обе заинтересованные силы, манипулирующие десятками тысяч крестоносцев в собственных интересах, имели перед собой, судя по всему, одну и ту же цель. Конечно же, эта главная цель крестоносцев благодаря усилиям специалистов и прочих исследователей нам вроде бы отлично известна — город Иерусалим. Однако, как сказал один торопливый молодой человек, не всё так однозначно. Первый крестовый поход действительно закончился после захвата крестоносцами Иерусалима. И тем не менее имеются веские сомнения в том, что именно Иерусалим являлся изначальной целью Первого крестового похода.

Если в организацию какого-либо предприятия вкладываются значительные усилия и средства, то в результате это предприятие должно принести пользу (хотя и не обязательно принесёт). Была ли какая-либо польза от Крестового похода 1096—1099 годов, если рассматривать этот вопрос с общепринятой точки зрения?

По общепринятой точке зрения, во-первых, папа римский Урбан II организовывал этот поход для помощи византийцам в борьбе с сельджуками — с расчётом на то, что византийцы в знак благодарности перейдут в католичество. В итоге крестоносцы дошли до Иерусалима, однако православные византийцы католиками не стали. Более того, в Иерусалиме ни мусульмане, ни иудеи, ни даже православные жители не стали католиками, так как крестоносцы вырезали их сразу после захвата города. Это значит, что если целью Первого крестового похода было обратить в католичество православных и неверных, то цель не была достигнута.

Во-вторых, согласно общепринятым утверждениям, крестоносцы шли в Утремер, чтобы получить там землю. В итоге, получая землю в Утремере, крестоносцы теряли её у себя дома, причём оставленные земли обычно доставались жадным соседям крестоносцев, а не явным или тайным организаторам похода.

В-третьих, что касается собственно святых мест, то паломники как раньше к ним ходили, так и после захвата Иерусалима крестоносцами продолжали к ним ходить. Правда, крестоносцы изгнали из Иерусалима православного патриарха и захватили в Утремере все православные храмы, что являлось для католиков, наверное, единственной пользой от Первого крестового похода. Однако такая польза не объясняет, зачем надо было форсировать события и гнать на убой «ранневесенних» крестоносцев, которые были такими же католиками, как и их «позднелетние» собратья.

Таким образом, реальной пользы от Первого крестового похода не было получено — с общепринятой точки зрения на это предприятие. Тогда получается, что огромные организационные расходы на вовлечение многих тысяч мужчин-католиков в вооружённое вторжение в Утремер были истрачены какими-то двумя неизвестными благотворителями в каком-то необычном соревновании между ними. Иначе как объяснить масштабные инвестиции в совершенно бесполезные «Гонки крестоносцев — 1096»?

Имеется, кстати, ещё один нюанс, который недостаточно очевиден, но вполне просматривается в ретроспективе.

Шестнадцатого сентября 1893 года в США состоялись самые большие из так называемых Земельных гонок (Land run): тогда около 100 тысяч человек претендовало на 40 тысяч участков площадью по 65 гектаров каждый, которые были расположены на бывшей территории племени чероки, незадолго до этого выкупленной правительством у индейцев. Соискатель, который в течение светового дня первым занял бы участок на этой территории, безвозмездно получил бы его в свою собственность согласно федеральному закону США от 20 мая 1862 года (известному как Homestead Act).

Задолго до старта желающие начали собираться на границах распределяемой земли, образуя по периметру многочисленные палаточные лагеря. Для охраны этого периметра были

присланы войска, однако некоторые смельчаки и наглецы умудрялись просочиться сквозь армейские заслоны и столбили лучшие наделы ещё до начала соревнований.

После старта гонок огромная сотысячная толпа переселенцев, кто на коне, кто на конной повозке, а некоторые и вовсе пешком, наперегонки бросилась к своей мечте — 65 гектарам ничейной пустоши.

Земельная гонка 1893 года, по сути, являлась апофеозом американского феномена Дикого Запада.

Переселенцы, которые принимали участие в подобных Земельных гонках, имели определённый социальный портрет: как правило, они занимали прослойку от вершин самого дна до низов среднего класса. В многочисленных голливудских вестернах запечатлены классические образы американских первопроходцев, пионеров Дикого Запада. Поведение этих переселенцев можно сравнить со стереотипом поведения крестоносцев: они также жаждали стать землевладельцами, осознавали опасность своего предприятия и готовы были рисковать жизнью ради достижения своей цели. Только американским переселенцам конца XIX века отмашку на старт давал президент США, а «младшим сыновьям» раннего Средневековья — папа римский.

Однако представьте, что 16 сентября 1893 года в гонках на черокском пустыре кроме прочих переселенцев приняли бы участие, например, владелец пароходной компании, а рядом с ним хлестал бы своего коня собственник металлургического комбината, обгоняя на ходу повозку издателя крупной газеты. Представили? Каким бы словом можно обозначить подобную картину?

Это слово — парадокс.

Происходившее вроде бы вполне понятно: состоятельные люди желали получить землю бесплатно. Однако в действительности ничего подобного не произошло, так как черокская земля тем состоятельным людям, очевидно, и даром была не нужна. Примерно такой же парадокс мы можем наблюдать при изучении Первого крестового похода: самыми знаменитыми его участниками были люди, которые на самом деле не испытывали потребности ни в дополнительной земле, ни в дополнительных приключениях.

Если провести аналогию между движением западноевропейских крестоносцев в Святую землю и движением американских переселенцев на Дикий Запад, то получится, что на Дикий Запад сквозь стрелы индейцев и пули бандитов стройными рядами шли, образно говоря, владельцы заводов, газет и пароходов.

И, таким образом, у нас назревает ещё один вопрос к общепринятой трактовке Первого крестового похода: почему в движении, которое должно было привлечь в первую очередь младших сыновей, основное участие принимали их старшие братья?

Действительно, если пристально рассмотреть список участников Первого крестового похода, то можно убедиться, что на самом деле крестоносцами были не неудачники западноевропейского феодального общества, а самая что ни есть его элита.

Вот, к примеру, Роберт III Куртгёз — старший (не младший!) сын Вильгельма I Завоевателя, короля Англии и герцога Нормандии, — уж ему-то зачем было отправляться за четыре тысячи километров в Палестину? Может быть, для принца Роберта жизненно необходимо было, так сказать, отжать земли у тамошних обитателей? Перестали интересоваться земли валлийцев, шотландцев, ирландцев и прочих ближних соседей? Захотелось экзотики? Или его удручали английские глеевые почвы в сравнении с ближневосточными песчаниками?

Сын короля Португалии, сын короля Норвегии, сын короля Дании — их участие в Первом крестовом походе вызывает аналогичные вопросы. Вообще, Первый крестовый поход (точнее, второй Первый крестовый поход — августовский 1096 года), по сути, был настоящей сходкой западноевропейских мажоров того времени. И поманили этих мажоров очевидно не сомнительной перспективой «нарезать» себе ломоть земли где-нибудь под Иерусалимом.

В общем, если очевидны огромные инвестиции неких двух сил в организацию военных походов из Западной Европы на Ближний Восток в 1096 году, а признанные историками декларируемые цели этих походов ничтожны, то какова действительная цель этих инвестиций?

На самом деле первые хронисты Первого крестового похода давали подсказку, по какому азимуту следует искать выгоду от предприятия. Например, в «Деяниях франков», которые были составлены неизвестным крестоносцем вскоре после завершения крестового похода, можно прочесть следующее:

«Vir itaque prudens Boamundus remansit cum imperatore, ut cum eo consilium acciperet, quomodo mandarent mercatum gentibus, quae erant ultra Niceam civitatem»⁷¹.

Этот текст общепринято переводить так⁷²:

«Боэмунд также остался с императором, чтобы посоветоваться с ним о том, как снабжать продовольствием людей, которые уже ушли за Никею»⁷³.

Однако при этом общепринятым историкам почему-то не показалось странным, что в одном месте хроники византийский император вместе с предводителем крестоносцев обсуждает снабжение армии, которая в это время якобы *уже находится за Никеей*, а далее по тексту описывается, как эта же самая армия *подходит к Никее* и начинает её осаждать.

Разве это типично для составителей хроник — внезапно потеряться между прошлым и будущим?

На самом деле ничего странного в этом эпизоде нет, если вспомнить, что латинские слова бывают многозначными, как и слова других языков. Например, *mercatum* — это не только «снабжать продовольствием», но и «торговать»; а *gens* — это не только «люди», но и «народ». Если принять именно эти значения, то фраза из «Деяний франков» обретает иное звучание: в то время, когда крестоносцы готовятся к осаде первого на их пути мусульманского города, один из их предводителей обсуждает с императором Византии *организацию торговли с народами, живущими за Никеей*: *mandarent mercatum gentibus, quae erant ultra Niceam civitatem*.

То есть для императора и крестоносца уже в начале войны имеют значение вопросы дальнейшего экономического взаимодействия с нехристианами, против которых они воюют. В таком случае не только этот отрывок из хроники перестаёт выглядеть абсурдным, но и весь Первый крестовый поход внезапно обретает смысл: становится понятным, что главной целью Первого крестового похода был отнюдь не Иерусалим, а Египет.

Точнее, настоящей целью крестоносцев была местность в Египте, через которую проходила *fossa Traiana* — древний канал, соединявший дельту Нила с Красным морем.

Именно об этом говорится ещё в одной хронике — «Истории франков, захвативших Иерусалим» авторства Раймунда Ажилского. Капеллан графа Сен-Жиль в своей рукописи рассказывает историю о том, что когда крестоносцы дошли до палестинского города Рамлы, между ними возникли разногласия. Часть рыцарей призывала продолжать движение на юг:

⁷¹ Gesta Francorum, Liber II, VII // Hagenmeyer H. Anonymi gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. Heidelberg: C. Winter, 1889. P. 176.

⁷² «Bohemond also remained with the emperor so that he could take counsel with him on how to supply the men who had already gone beyond Nicaea» (The deeds of the Franks and other Jerusalem-bound pilgrims: the earliest chronicle of the first crusades / ed. and trans. by N. Dass. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2011. P. 36). Ср.: «Боэмунд же остался с императором и с ним совещался, каким образом доставить продовольствие людям, которые были уже за городом Никеей» (Деяния франков и прочих иерусалимцев: учеб.-метод. пособ.; пер. и коммент. Т. Г. Мякин, Г. Г. Пиков, В. Л. Портных. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. С. 158).

⁷³ Никея — современный город Изник в Турции, первый сельджукский город на пути крестоносцев. Осада Никеи продолжалась с 14 мая по 19 июня 1097 года, после чего город сдался — причём не крестоносцам, а византийцам.

«Пойдём теперь не в Иерусалим, а в Египет и Вавилон⁷⁴; и если милостью Божией мы победим египетского царя, то получим не только Иерусалим, но и Александрию, и Вавилон и обретём многие царства. Но если мы пойдём в Иерусалим и, не найдя достаточного количества воды, откажемся от осады, то после этого мы не добьёмся ни первого, ни второго».

Другая же часть рыцарей считала целесообразным от Рамлы повернуть на восток, то есть к Иерусалиму:

«Едва ли у нас имеется тысяча пятьсот конных воинов, да и вооружённых пехотинцев немного, чтобы хвалиться идти в чужие далёкие края, где мы не сможем ни получить помощи от наших людей, ни, если возьмём какой-нибудь город, поставить в нём гарнизон, и даже не сможем вернуться оттуда в случае чего. Поэтому ничего подобного: будем идти своим путём, а в осаде, жажде, голоде и прочем пусть Господь позаботится о слугах своих»⁷⁵.

Вожделенный для католиков Иерусалим находился от Рамлы всего в 30 километрах, а до Траянова канала предстояли ещё сотни километров пути, на котором имелось множество укрепленных городов — в общем, полевые командиры оставшихся от изначального количества полторы тысячи рыцарей решили направить их на взятие Гроба Господнего. С учётом того, как трудно Иерусалим дался крестоносцам⁷⁶, принятое решение оказалось наиболее правильным.

Однако после завершения именно в Иерусалиме Первого крестового похода общепринятые историки получили основание утверждать, что главной и единственной целью похода был именно этот город⁷⁷.

Разумеется, желание пробиваться огнём и мечом тысячи километров сквозь сонмы вражеских воинов, чтобы добраться до святыни, которую в это же самое время без особых трудов можно было посещать в качестве паломников, — это достаточно правдоподобное обоснование для Первого крестового похода.

А вот рассматривать использование оружия крестоносцев для восстановления европейского контроля над Суэцким перешейком общепринятым историкам почему-то и в голову не приходило.

При этом сами же крестоносцы в письме папе римскому, которое было отправлено из Лаодикии в сентябре 1099 года, подтверждали, что целью для них являлось именно «распространение царства Христа и церкви от моря до моря»⁷⁸. От моря до моря — это, очевидно, не

⁷⁴ Имеется в виду Вавилон Египетский — город и крепость на территории современного Каира.

⁷⁵ «Sunt autem Ramulae a Iherosolima quasi quindecim miliaribus. Itaque habuimus ibi colloquium. Alii dicebant: „Non eamus ad praesens in Iherusalem, sed versus Aegyptum et Babyloniam; et si, per Dei gratiam, supetare possumus regem Aegypti, non solum Iherusalem, verum etiam Alexandriam et Babyloniam et plurima regna obtinebimus. Quod si eamus in Iherusalem, et non inuenientes sufficientem aquam deseramus obsidionem, nec hoc nec illud postea perficiemus“. At vero alii contra dicebant: „Vix sunt in exercitu mille quingenti milites, et armorum peditum grandis numerus non est; et laudatur modo ut ignotas et longissimas regiones adeamus, ubi nec succursum de nostra gente habere possimus, nec, si civitatem capiamus, praesidium ponere, nec etiam inde reverti, si necessitas fuerit, valeamus. Sed nihil hoc: viam nostram teneamus, et de obsidione, et de siti, de fame et de aliis Deus provideat servis suis“» (*de Aguilers R. Historia francorum qui ceperunt Iherusalem. Capitulum XIX // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris: Imprimerie impériale, 1866. T. 3. P. 292*).

⁷⁶ Под Иерусалимом крестоносцы вообще остались живы только благодаря итальянским купцам, которые в последний момент сумели доставить осаждающим питьевую воду, продовольствие и материалы для строительства осадных башен.

⁷⁷ Американские исследователи Джон и Лаурита Хилл вообще полагали, что дискуссия крестоносцев в Рамле являлась плодом фантазии Раймунда Ажильского: «Raymond's account of a council broken by dissension over the continuing journey to Jerusalem seems doubtful. There seems little likelihood that the crusaders could have been diverted from the siege of Jerusalem at this late stage» (*d'Aguilers R. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem / trans. Hill J. H., Hill L. Philadelphia: American Philosophical Society, 1968. P. 115*) — «Рассказ Раймунда о совете, прерванном разногласиями по поводу продолжения похода в Иерусалим, кажется сомнительным. Представляется маловероятным, что крестоносцев можно было чем-либо отвлечь от осады Иерусалима на этом позднем этапе».

⁷⁸ «... regnum Christi et ecclesiae a mari usque ad mare usquequaque dilataret» (Epistula (Dagoberti) Pisani archiepiscopi et Godefridi ducis et Raimundi de S. Aegidii et uniuersi exercitus in terra Israel ad papam et omnes Christi fideles, 12 // *Hagenmeyer H. Epistvla et chartae ad historiam primi belli sacri spectantes qvæ svpersvnt ævo æqvales ac gevinæ. Innsbruck, 1901. Pp. 171—172*).

с берега на берег одного и того же Средиземного моря, — это как минимум от Средиземного до Красного моря.

Обратим также внимание, что вскоре после захвата Иерусалима крестоносцы всё-таки двинулись в направлении дельты Нила: здесь в 1118 году в печально знаменитом городе Пелузий умирает иерусалимский король Балдуин I, младший брат Годфрида Буйонского. А в дальнейшем ещё целых два (!)⁷⁹ крестовых похода высаживались уже непосредственно в дельте Нила — при этом крестоносцы проявляли абсолютное равнодушие к Иерусалиму, который к тому моменту снова перешёл в руки мусульман.

Какую же пользу мог принести Первый крестовый поход, если бы крестоносцам удалось взять под свой контроль Суэцкий перешеек?

Дело в том, что там находился Суэцкий канал древности — так называемый канал Траяна. Этот канал, по словам Геродота⁸⁰, египтяне начали строить при фараоне Нехо II, за шесть веков до Рождества Христова. Строительство было продолжено спустя столетие, когда Египет оказался под властью персидского царя Дария I. Ещё через два с половиной века после Дария этот канал окончательно был достроен⁸¹ Птолемеем II Филадельфом, сыном одного из диадохов (преемников) царя Александра Македонского. А ещё спустя два столетия Египет стал римской провинцией, в которой великий завоеватель и строитель император Марк Ульпий Нерва Траян в очередной раз восстановил искусственный путь между двумя морями, который с тех пор стал называться *fossa Traiana* — «траншея Траяна».

Именно эта «траншея» обеспечила для Рима, а в дальнейшем и для Византии возможность вести оживлённую морскую торговлю с Индией. Вот как благодаря этой торговле стал выглядеть Рим, со слов грека Элия Аристида (117—189 гг.): «Здесь можно видеть столько товаров из Индии и, если угодно, из... Аравии, что можно подумать, будто для туземцев тамошние деревья остались совершенно без всяких плодов, и туземцы, если им что-либо понадобится, должны прибывать сюда, чтобы приобрести какой-либо из продуктов своей собственной страны»⁸².

Такое изобилие продолжалось несколько сотен лет, до того момента, когда в 639 году диверсионный отряд курайшита Амра ибн аль-Аса вторгся в византийский Египет и в результате сделал его арабским. После этого другой великий строитель и основатель Багдада халиф аль-Мансур в 767 году приказал засыпать обратно *конаат'у амир эль-му'минина* — «канал повелителя праведных», бывший *fossa Traiana*. Этот рукотворный водный путь арабам для торговли с Индией был абсолютно не нужен, а вот боевые флоты их противников, *рум*ов или *френгов* (византийцев или западноевропейцев), при большом желании могли бы им воспользоваться.

Торговые отношения между Европой и Индией не прекратились даже после 767 года. Только перед тем, как попасть на европейские рынки, индийские продукты: специи, хлопча-

⁷⁹ Пятый крестовый поход в 1217—1221 годах и Седьмой крестовый поход в 1248—1254 годах.

⁸⁰ «У Псамметиха был сын Неко, который после него стал царём Египта. Он первым начал строить канал, ведущий в Красное море, который потом продолжил персидский царь Дарий. Длинной этот канал в четыре дня пути и был выкопан такой ширины, что две триеры могли плыть рядом» (Геродот. История в девяти книгах. Книга II, 159 / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 130).

⁸¹ ὁ ὑστερον δὲ ὁ δεῦτερος Πτολεμαῖος συνετέλεσεν αὐτήν, καὶ κατὰ τὸν ἐπικαιρότατον τόπον ἐμηχανήσατό τι φιλότεχνον διάφραγμα. τοῦτο δ' ἐξήνοιγεν, ὅποτε βούλοιο διαπλεῦσαι, καὶ ταχέως πάλιν συνέκλειεν, εὐστόχως ἐκλαμβανομένης τῆς χρείας (Διόδωρος Σικελιώτης. Ἱστορικὴ Βιβλιοθήκη. Βίβλος Α», 33) — «В более позднее время второй Птолемей завершил его и в самом подходящем месте построил остроумный шлюз. Его открывали, когда он хотел пройти через него, и быстро закрывали снова; изобретение, которое оказалось весьма успешным» (Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга А, 33).

⁸² Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907. С. 395—396.

тые и шёлковые ткани, шёлк-сырец, парфюмерия, и не поддающееся коррозии железо *ferrum Indicum* — теперь проходили через множество посредников, более чем значительно повышаясь в цене.

Говорят, что, когда Васко да Гама на своих кораблях обогнул Африку и в 1499 году *впервые за восемьсот лет* привёз в Европу товары напрямую из Индии, выручка от их продажи окупила затраты на экспедицию в 60 (шестьдесят) раз — то есть показатель рентабельности предприятия составил 5900%.

Существует довольно-таки популярная цитата из творения Карла Генриха Маркса «Капитал»:

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым.

Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»⁸³.

Примерно такие же 5900% рентабельности ожидались, когда две мощнейшие торговые корпорации Западной Европы и непримиримые конкурентки — Венеция и Генуя⁸⁴

⁸³ Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals. Hamburg: Verlag von Otto Meissner, 1867. S. 742. На самом деле этот текст в «Капитале» приведён в примечании, причём там же имеется ссылка на действительного автора этого замечательного наблюдения: британского профсоюзного деятеля Томаса Джозефа Даннинга (1779—1873). Наверное, многим известна эта цитата из Маркса, но немногие знают про авторство Даннинга. Ещё меньшему количеству людей известно, что сам Даннинг взял эту цитату из статьи в британском периодическом журнале «Кватерли Ревью».

⁸⁴ Конечно, кто-то может возразить, что вообще-то в Италии были не две, а четыре *мариттимы* (мариттима — город-государство, специализирующееся на морской торговле): Генуя, Венеция, Пиза и Амальфи. На самом деле Венеция являлась проектом Амальфи, Генуя занималась поглощением Пизы, так что мариттимы — четыре, а корпорации — две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.